

Глава 2.

Исследования родительства в России в 1990-е годы

---

§ 1. Тенденции развития института родительства

Каковы тенденции развития института родительства в условиях трансформации института семьи? Попытка ответить на этот вопрос с привлечением данных специального исследования сделана в данном параграфе.

В 1999 г. в рамках проекта «Субкультурная дифференциация полов: имманентное и историческое» группой научных сотрудников Института социологии РАН (С.И. Голод, Т.А. Гурко, А.А. Клецин, Н.А. Нечаева) изучались представления россиян в частной сфере жизни (исследование III). Каждый из участников проекта разрабатывал самостоятельный субпроект и соответствующую часть методики. Из расчета общего объема выборки ($N=1103$, Санкт-Петербург – 702, Тула – 401 человек) для каждого из городов была построена маршрутная районированная квотная выборка, в которой квоты составлялись для всех административных районов в соответствии с численностью населения и характером жилой застройки. Выборка репрезентативна для населения Санкт-Петербурга и Тулы по полу и возрасту.

Предварительный анализ результатов исследования показал, что региональные различия между Санкт-Петербургом и Тулой по блоку вопросов, касающихся родительства, в большинстве случаев статистически не значимы. В то же время отмечены различия между возрастными группами, но не между мужчинами и

женщинами⁷⁹. Ниже приводятся данные с разбивкой по полу, возрасту или образованию. В тех случаях, когда различия существенны, данные представлены в таблицах.

Возрастная динамика представлений в отношении родительства в какой-то мере позволяет судить и о тенденциях в этой сфере. Хотя вопрос о том, свидетельствуют ли различия между возрастными группами о несовпадении взглядов поколений или лишь о возрастной дифференциации остается открытым.

Происходит дальнейшее изменение социокультурной модели планирования семьи – от нормативной к более рациональной. Исследование, проведенное в 1988 г. в Санкт-Петербурге и Калуге (опрошено 4797 женщин), выявило, что «рациональное репродуктивное поведение характерно лишь для более половины опрошенных»⁸⁰. То есть далеко не все женщины, которые рожали детей, в действительности хотели их и планировали деторождение.

Согласно результатам исследования (см. табл.2), в младшей возрастной группе более половины и мужчин, и женщин считают, что супругам лучше заводить ребенка, когда семья «встанет на ноги». Подавляющее же большинство представителей старшего поколения выбирали ответы: «в первые годы после свадьбы» или «как бог даст». Можно предположить, что в сознании, по крайней мере, части молодого поколения укрепляется представление о рациональном планировании рождения ребенка. Некоторые наиболее «продвинутые» молодые супруги достаточно ответственно подходят к этому решению вплоть до специальных процедур чистки организма перед зачатием,

---

⁷⁹ Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социол. исслед. – 2000. – № 11. – С. 90.

⁸⁰ Харькова Т.Л. Проблемы регулирования деторождения в городах России // Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. – С. 106.

заявления о регистрации брака⁸¹. Тема планирования рождения ребенка требует специальных исследований.

Во всех возрастных группах женщины и мужчины считают предпочтительным примерно одинаковое число детей «в благополучной семье» (см. табл. 3). (Причем эти данные совпада-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей, по Вашему мнению, должно быть в благополучной семье?», в %

		Число детей		
		Один	Два	Три и более
18-29 лет	женщины (№=151)	6	76	18
	мужчины (№=143)	10	76	12
Всего	женщины (№=613)	6	68	26
	мужчины (№=490)	10	71	19

ют с результатами исследования демографов в 2000 г.⁸²). Однако молодые мужчины чаще, чем женщины того же возраста, выбирают одного ребенка и реже – троих. Женщины в младшей возрастной группе почти в два раза реже предпочитают вариант трехдетной семьи (18%), нежели женщины старшего возраста (40 лет и старше) - 36%. Фактор образования не влияет на выбор ответа ни в одной из возрастных групп.

Тенденция общего сокращения рождаемости, очевидно, отражается на числе детей в семьях, все меньше детей воспитывается вместе с братьями и сестрами. Одновременно,

⁸¹ Гурко Т.А., Карпушова А.П. Тенденции брачности и брачный выбор в России // Россия в глобальном контексте. – М.: РИЦ ИСПИ, 2002, – С. 374.

⁸² Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. – М. «Грааль», 2002, – С. 81.

можно предположить, что происходит *расширение вариативности* в реализации женщинами и супружескими парами репродуктивной потребности, хотя социальные условия по-прежнему ограничивают стремления тех, кто хотел бы иметь много детей. «В перспективе потребность в большем числе детей будет, в частности, определяться не только психологическими факторами, но и спецификой новых «социальных идентичностей, таких, например, как «религиозность» или «средний класс»⁸³.

Уже в конце 1990-х годов можно было наблюдать проявление указанной закономерности. В частности, начинает меняться стереотип многодетной семьи. Это уже не только семьи безответственных, социально неблагополучных людей, требующих социальной помощи (хотя эта категория еще велика). Многодетность распространяется и среди материально благополучных семей, в которых не только мужья, но и жены процветают в бизнесе. Мотивация и стратегии репродуктивного поведения становятся предметом активного обсуждения в изданиях, предназначенных для формирующегося среднего класса. Приведу фрагмент из интервью в прессе, которое мне пришлось комментировать. «Совладелица и гендиректор компании "Ледово" к 32 годам успела не только построить успешный бизнес, но и родить троих детей. Во время становления компании она все время была либо беременной, либо кормящей матерью»⁸⁴. И таких примеров достаточно много, в том числе среди нарождающейся элиты.

Одновременно создается ощущение, что наметилась и другая тенденция. По данным микропереписи 1994 г., среди возрастной группы женщин 45-49 лет не родили ни одного

---

⁸³ Гурко Т.А. Феномен современного отцовства // «Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы». Материалы международной конференции. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.

⁸⁴ Горелова Е. Основной инстинкт // Ведомости. 2003. – 4 апреля.

ребенка 7%⁸⁵. С большой вероятностью можно утверждать, что в последующие годы эта доля существенно возросла. Многие деловые женщины не имеют возможности или желания прервать карьеру ради рождения ребенка, причем важным обстоятельством является и отсутствие уверенности в потенциальной поддержке партнера. Другие убеждены, что они не испытывают личностной потребности в ребенке⁸⁶. С одной стороны, это можно расценить как своеобразный эгоизм, и понять достаточно сложно. С другой стороны, подобное решение выглядит гораздо честнее, чем рождение нежеланного ребенка, который выступает лишь в качестве инструментальной ценности. О том, что такая мотивация распространена, свидетельствует анализ интервью с матерями⁸⁷.

Количественных данных о вариативности отцовства в России нет. Известно, что многие мужчины фактически являются многодетными не только будучи отцами в многодетных семьях, но и участвуя в воспитании и содержании внебрачных детей или детей от первого и последующих браков. Другие же не становятся ни биологическими, ни фактическими отцами. Не «приписывая» детей к отцам, сложно решить вопрос о несимметричности родительской нагрузки. В США, например, проводятся исследования материальной поддержки детей со стороны отцов в зависимости от общего числа детей, за которых они несут юридическую ответственность⁸⁸.

Каждая ли женщина должна стать матерью? Судя по данным опроса (см. диаграмму 1), взгляды по этому поводу

---

⁸⁵ Женщины России. Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1995. – С.30.

⁸⁶ Радулова Н. Почему я не хочу иметь ребенка // Огонек. 2002. – Ноябрь.

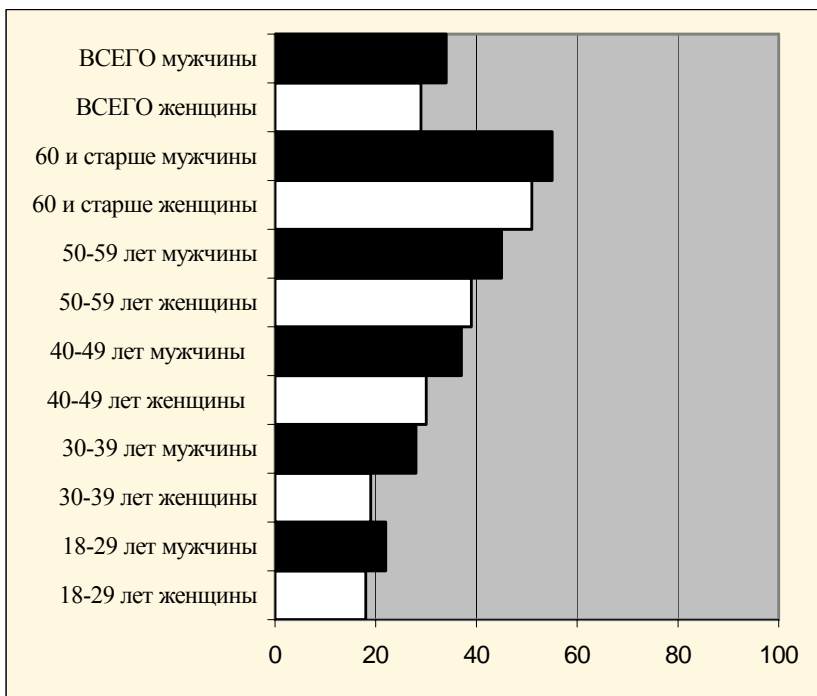
⁸⁷ Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социол. исслед. – 2000. – №11.

⁸⁸ Meyer, D.R. (1999). Compliance with child support orders in paternity and divorce cases. In R.A. Thompson and P.R. Amato (Eds.) *The post divorce family*. Thousand Oaks, CA: Sage.

существенно зависят от возраста, но не от пола опрошенных, хотя в любой возрастной группе среди ответивших положительно, несколько больше мужчин, чем женщин. Тех, кто считает, «что это долг каждой женщины», больше всего среди представителей старшего советского поколения, меньше всего – в младшей возрастной группе. Различия по образовательному уровню не настолько значимы, как по возрасту, хотя среди высокообразованных женщин и мужчин самого младшего поколения меньше всего давших положительный ответ (соответственно 11% и 16%). Институциональное требование к каждой женщине "быть матерью", особенно выраженное в советский период, не согласуется с реальными практиками молодых женщин. Личностные предпочтения и социальная ситуация, в которой находятся женщины часто входят в противоречие с этой нормой. Кроме того, в 1990-е годы социокультурный символ женщины-матери стал вытесняться другими образами:

Диаграмма 1

Распределение положительных ответов на вопрос «Как Вы думаете, должна ли каждая женщина стать матерью?», %

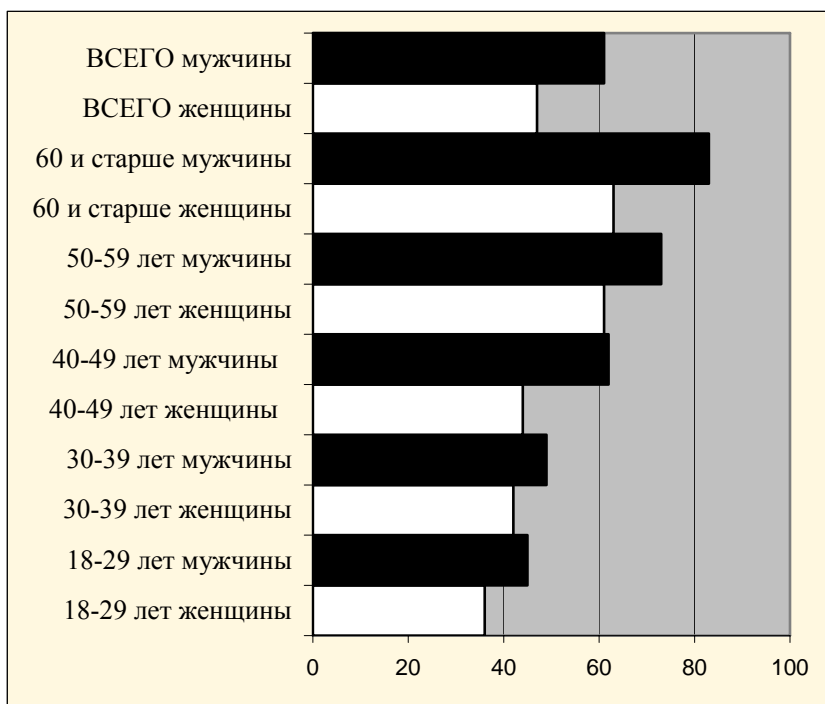
женщин, предоставляющих, например, сексуальные услуги (секс-символ), или женщин, успешных в бизнесе (бизнес-леди), и возможно, в сознании респондентов такие образы не всегда совмещаются с материнством.

Интересно, что несколько больше и мужчин и женщин согласились с мнением, что «долг каждого мужчины растить детей» (см. диаграмму 2). В целом по выборке так считают 47% женщин и 61% мужчин, причем во всех возрастных группах мужчины чаще, чем женщины (среди самой младшей группы эти различия незначительны). По-видимому, это реакция на несправедливость несимметричной нагрузки в выполнении родительских ролей.

Диаграмма 2

Распределение положительных ответов на вопрос «Как Вы думаете, должен ли каждый мужчина растить детей?», %

Что же мешает мужчинам выполнять «отцовский долг»? Гендерные стереотипы, в том числе, поддерживаемые и женщинами? Эта гипотеза требует тщательных исследований. Также как и в отношении материнства, понятия «отцовского долга» чаще придерживаются люди старшего возраста: в младшей возрастной группе утвердительно ответили на вопрос 35% женщин и 46% мужчин, в самой старшей – 63% и 79% соответственно.

Если различия между возрастными группами интерпретировать как поколенческие, то можно сделать вывод, что обязательность деторождения, нормативность и материнства и отцовства уменьшается от поколения к поколению. Это один из важных элементов социокультурной трансформации в России.

Что касается отношения к бездетности, то косвенно об этом свидетельствуют и результаты всероссийского опроса проведенного компанией «Romir Monitoring» в апреле 2003 г. (выборка составила 1517 человек). На вопрос "Как вы относитесь к тому, что Государственная Дума не поддержала идею восстановления налога на бездетность?", лишь 13% ответили, что относятся отрицательно. 17% вообще ничего об этом не знали, 2% затруднились высказать свое мнение на этот счет, 12% отреагировали нейтрально, а 56% россиян отнеслись к этому решению положительно.

Можно предположить, что наметилась тенденция расширения вариативности *возраста первородящих* матерей, в частности, вследствие снижения возраста начала сексуальной жизни. Чаще всего ранние рождения не планируются и являются вынужденными (подробнее об этом в главе 3). С другой стороны, потребность как состоящих, так и не состоящих в браке женщин в профессиональном росте и экономической независимости приводит и к тому, что они решаются на рождение детей в позднем возрасте, достигнув определенных успехов в карьере и материального благополучия. Специфика обстоятельств «позднего родительства» практически не изучалась.

На Западе движение за равенство возможностей женщин и мужчин в доступе к власти и ресурсам в публичной сфере стимулировало не только формирование потребности женщин в партнерских отношениях в супружестве, но, прежде всего, в разделении родительской ответственности. Всевозможные меры социальной политики, ориентированные на «активизацию» отцовства, активное конструирование образа «нового» – любящего, заботливого отца способствовало *увеличению участия мужчин* даже в прежде исключительно материнских сферах, например, ухода за маленькими детьми. Будущие отцы помогают женам готовиться к родам, присутствуют на родах, что, по мнению специалистов, формирует их эмоциональную вовлеченность в общение с

детьми. Выпускается множество специальных журналов, научно-популярных изданий, пропагандирующих важность и «радости отцовства». Показывается значение отцовского участия на всех стадиях формирования личности ребенка⁸⁹. (Как представлены, и представлены ли образы отцов в современных мужских журналах в России – тема специального исследования).

Американские специалисты считают, что такая пропаганда привела к расширению отцовских практик и некоторому повышению ответственности отцов, по крайней мере, представителей среднего класса. Оценки европейских ученых более сдержанны. Одни считают, что формируется "новое родительство", предполагающее более активную роль отцов. Другие утверждают, что в целом и матери и отцы стали меньше заботиться о детях, чем прежде, с меньшей теплотой относиться к ним⁹⁰.

Одновременно, западные исследователи отмечают, что хотя отцы явно больше, чем в прошлом вовлечены в уход за детьми, многие из них чувствуют себя неуверенно, не понимая, чего от них ждут. Женщины же, в свою очередь, часто удивляются, почему «работающие отцы» теряются, и сами не догадываются, что им нужно делать с детьми⁹¹. По мнению французских ученых, формирование «нового отца» в значительной мере обусловлено помощью и советами со стороны матери (т.е. со-родителя) и даже самих детей, поскольку в опыте современных отцов нет необходимого образца⁹². Для России эти проблемы тоже актуальны и требуют изучения.

---

⁸⁹ Canfield, K. (1996). *The heart of a father: How dads can shape the destiny of America*. Chicago: Northfield Publishing.

⁹⁰ Цит. по: Schmidt-Waldherr, H. (1992). From the "Fatherless Society" to the "New Fatherliness". In *Families in transition*. Vienna: IFHE, P. 89.

⁹¹ Levine, J. (1997). *Working fathers: strategies for balancing work and family*. Reading, MA: Addison Wesley Longman, P. 49.

⁹² Bertaux, D. & Delcroix C. (1992), P. 184.

На вопрос о том, как лучше *распределять родительские обязанности* между супругами, примерно две трети опрошен-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как лучше распределять родительские обязанности?», %

Уровень образования	Мать с детьми, отец работает	Оба работают, оба с детьми	По ситуации
Среднее и ниже			
женщины (№=140)	58	39	3
мужчины (№=111)	68	31	1
Среднее специальное			
женщины (№=270)	62	34	4
мужчины (№=213)	70	28	2
Высшее*			
женщины (№=203)	43	50	7
мужчины (№=166)	61	37	2
Всего женщины (№=613)	51	41	6
мужчины (№=490)	66	32	2

* В эту группу включены также обучающиеся в вузах.

ных вне зависимости от возраста считают: «матери лучше не работать и заниматься дома детьми, а отцу зарабатывать деньги» (табл. 4). Только треть ориентирована на партнерский вариант отношений: «И матери, и отцу лучше зарабатывать деньги и одновременно заниматься детьми». В число альтернатив был включен также вариант: «Отцу лучше больше времени проводить с детьми, а матери зарабатывать деньги». Но этот вариант выбрали только несколько женщин (0.2%). Отмечу, что распределение ответов на данный вопрос остается практически неизменным в проведенных мною исследованиях на протяжении последних двадцати лет не зависимо от постановки вопроса, характера выборки (вступающие в брак, супруги с разным стажем брака), региона страны (Москва,

Самара, Ставропольский край). Однако, хотя примерно равная доля женихов и невест, мужей и жен (женщин примерно на 10-15% больше, чем мужчин) ориентированы на партнерство, к сожалению, люди с одинаковыми установками не часто встречаются в одной паре, что чревато супружескими конфликтами. Кроме того, и реализовать на практике комплиментарный вариант распределения родительских ролей возможно далеко не всем семьям.

Как видно из табл. 4, существенных различий во мнениях в зависимости от уровня образования не установлено, однако на партнерский вариант отношений чаще других ориентированы высокообразованные женщины. Именно этой категории женщин обычно сложнее выбрать партнера для брака и впоследствии согласовать с ним ожидания относительно супружеских и родительских ролей.

Согласно данным исследования, вне зависимости от пола, возраста и уровня образования респондентов 52% их считают, что девочкам-подросткам больше внимания должны уделять матери, 4% – отцы, остальные 44% ответили, что «и мать и отец должны уделять дочерям одинаковое время». Одновременно 48% полагают, что «отец должен уделять больше времени мальчикам-подросткам, чем мать», 5% – мать, 47% – «и мать и отец должны уделять мальчикам одинаковое время». Таким образом, можно видеть, что практически половина респондентов предпочитает традиционный механизм социализации: матери обучают девочек, отцы – мальчиков.

Существенная тенденция последних десятилетий – отмеченное еще А.Г. Харчевым, "разделение родительства и семьи"⁹³, а точнее *разделение родительства и супружества*⁹⁴. Выражается это в увеличении числа супружеских пар (зарегистрированных и незарегистрированных), не ожидающих иметь детей, с одной стороны. С другой стороны,

---

⁹³ Харчев А.Г. Социология воспитания. – М.: Политиздат, 1990. – С. 125.

⁹⁴ Гурко Т.А., 1995. – С. 96.

бездетность. Так, по данным исследований вступающих в первый брак, проводившихся под моим руководством, в 2000 г. 6% женихов и 3% невест были ориентированы на бездетный брак, тогда как в 1991 г. никто из опрошенных не высказал желания остаться без детей.

Каковы мотивы супругов, отказывающихся от детей? Эту проблему еще предстоит изучить. Бытует, например, мнение, что в семьях так называемых «новых русских» мужья не желали иметь детей, чтобы не быть уязвимыми в ситуации «разборок». Насколько это распространено по сей день, когда разделение сфер влияния идет к завершению, неизвестно.

Как относятся в России к сознательной бездетности супружеских пар? В целом число осуждающих таких супругов невелико, хотя старшее поколение заметно чаще не одобряет подобный выбор по сравнению с представителями младших возрастных групп (табл. 5). Примерно половина респондентов в обоих городах ответили – «мне их трудно понять», треть – «их вполне можно понять». Обязательность рождения детей в браке как социальная норма, обусловленная в значительной мере традициями сельского образа жизни и стимулированная социальной политикой советского времени, постепенно уходит из российской культуры.

Формирование семей с одним родителем происходит за счет внебрачной рождаемости, разводов и вдовства, и также свидетельствует о разделении супружества и родительства. По оценкам западных специалистов, в США и ряде стран Западной Европы на 1970-е годы пришелся бум разводов, на 1980-е – скачок внебрачных рождений⁹⁶. Внебрачная рождаемость высока во многих развитых странах, хотя существуют и значительные различия (см. табл. 6). В 2001 г. наивысшие показатели отмечены в Швеции (56%), Эстонии (56%), Норвегии (50%), наименьшие – в Греции (4%), Хорватии (9%), Италии (10%), Польше (13%). В какой мере

---

⁹⁶ Burn, A. (1992). Mother-headed families: an international perspective and the case of Australia. *Social Policy Report*, 1.

уровень внебрачной рождаемости обусловлен религиозно-культурными традициями? Например, в католических странах он явно ниже. В какой мере спецификой социальной политики? Так, в скандинавских

Таблица 6

Доля внебрачных рождений (на 100 родившихся)

Страна	1960	1970	1980	1990	1995	1999	2000	2001
Австралия	4,8	8,3	12,4	21,9	26,7	29,1	...	...
Австрия	13,3	12,8	17,8	23,6	27,4	30,5	31,3	33,1
Белоруссия	6,9	7,3	6,4	8,5	13,5	17,8	18,6	20,5
Бельгия	2,1	2,8	4,1	11,6	13,1	...	...	...
Болгария	8,0	8,5	10,9	12,4	25,7	35,1	38,4	42,0
Босния, Герцеговина	6,2	5,3	5,4	7,4	...	...	...	...
Великобритания	...	8,0	11,5	27,9	33,6	38,8	39,5	40,1
Венгрия	5,5	5,4	7,1	13,1	20,7	28,0	29,0	30,3
Германия	7,6	7,2	11,9	15,3	16,1	22,1	23,4	...
Греция	...	1,1	1,5	2,2	3,0	3,9	...	...
Дания	7,8	11,0	33,2	46,4	46,5	44,9	44,6	44,6
Ирландия	1,6	2,7	5,0	14,6	22,3	31,1	31,8	31,2
Испания	...	1,4	3,9	9,6	11,1	16,3	17,7	...
Италия	2,4	2,2	4,3	6,5	8,1	9,2	9,7	...
Канада	4,3	9,6	13,0	25,5	...	...	...	...
Латвия	11,9	11,4	12,5	16,9	29,9	39,1	40,3	42,1
Литва	7,3	5,1	6,3	7,0	12,8	19,8	22,6	25,4
Македония	...	6,3	6,1	7,1	8,2	9,8	9,8	10,4
Молдавия	...	...	7,4	11,1	13,3	16,6	20,5	...
Нидерланды	1,4	2,1	4,1	11,4	15,5	22,7	24,9	27,2
Новая Зеландия	...	13,9	21,5	34,0	40,7	42,8	43,2	...
Норвегия	3,7	6,9	14,5	38,6	47,6	50,9	49,6	49,7
Польша	4,5	5,0	4,7	6,2	9,5	11,7	12,1	13,1
Португалия	9,5	6,9	9,2	14,7	18,7	20,9	22,2	23,8
Россия	13,1	10,6	10,8	14,6	21,1	27,9	28,0	28,8
Румыния	...	...	...	...	19,7	24,1	25,5	26,7
Словакия	4,7	6,2	5,7	7,6	12,6	16,9	18,3	19,8
Словения	9,1	8,5	13,1	24,5	29,8	35,4	37,1	...
США	...	10,7	18,4	28,0	32,2	33,0	33,2	...
Украина	...	9,2	8,8	13,0	13,2	17,4	...	18,0
Финляндия	4,0	5,8	13,1	25,2	33,1	38,7	39,2	39,5
Франция	6,1	6,8	11,4	30,1	37,6	41,7	42,6	...
Хорватия	7,4	5,4	5,1	7,0	7,5	8,2	9,0	9,4
Чехия	4,9	5,4	5,6	8,6	15,6	20,6	21,8	23,5
Швейцария	3,8	3,8	4,7	6,1	6,8	10,0	10,7	11,4
Швеция	11,3	18,8	39,7	47,0	53,0	55,3	55,3	55,5

Эстония	13,7	14,1	18,3	27,1	44,1	54,0	54,5	56,2
Югославия	11,7	11,7	10,1	12,7	16,4	20,2	20,4	...
Япония	1,2	0,9	0,8	1,1	...	...	...	...

Источник: Демоскоп Weekly. № 117 – 118. 2003. (www.demoscope.ru)
 странах, где незамужние матери получают существенную поддержку от государства, и где, кроме того, созданы возможности для достижения гендерного равенства, этот уровень намного выше, чем в других странах Западной Европы.

Существует мнение, что многие женщины, по сути, и не стремятся к созданию семьи, основанной на браке. Иначе, задаются вопросом французские ученые, «как объяснить тот факт, что такие женщины выбирают в партнеры (хотя возможно и подсознательно) безответственных молодых мужчин или ответственных, но уже женатых?»⁹⁷.

В России внебрачная рождаемость резко увеличивалась с начала 1990-х годов. Возможно, отчасти это явление связано с новыми возможностями обретения экономической независимости, в том числе женщинами, и, с другой стороны, неуверенностью потенциальных мужей в стабильности заработков. Можно предположить существование гендерного дисбаланса на брачном рынке: ожидания женщин и мужчин относительно потенциального супруга (и) не соответствуют реальным возможностям.

Показатель разводов в России, так же как и в СССР, – один из самых высоких в мире (см. табл.1). Однако в 1990-е годы проблематика причин разводов и факторов стабильности брака, столь популярная в 1980-годы, практически не выступала предметом изучения на эмпирическом уровне. Вероятно, причина состоит в том, что развод уже стал атрибутом брачных историй индивидов, обычным явлением повседневности.

⁹⁷ Цит по: Bertaux, D. & Delcroix C. (1992), P. 182.

Кто преимущественно является инициатором разводов, по-прежнему ли женщины? Можно ли говорить о существовании критических точек стабильности брака? Сейчас никто не может дать достоверные ответы на эти вопросы. С 1999 г. Госкомстат не представляет даже данных об удельном весе разводов, в которые вовлечены дети. По данным за предшествующие годы, этот показатель составлял примерно 60% от всех разводов.

На Западе практикуется две формы совместной» опеки над детьми после развода. «Совместная юридическая» опека означает, что дети преимущественно живут с одним из родителей, но мать и отец совместно принимают решения относительно их образования и воспитания. «Совместная физическая» опека предполагает, что дети по возможности живут с каждым из родителей по очереди (например, в период учебы с матерью, а во время школьных каникул с отцом). При «раздельной» опеке детей делят между родителями: мать обычно берет девочек, а отец – мальчиков. Однако, как показали исследования, раздельная опека часто имеет отрицательные последствия для братьев и сестер, поэтому ее следует применять в крайних случаях⁹⁸.

По российскому законодательству матери и отцы после развода имеют одинаковые права и обязанности в отношении детей. Однако в реальности подавляющее большинство детей остается жить с матерью. Фактически это «одионочная» опека, предполагающая ответственность одного родителя. Развод супругов в России обычно означал, и, вероятно, и до сих пор предполагает развод детей с отцом. Культура родительства после развода практически отсутствует (М.С. Мацковский напоминал – «С детьми не разводятся», так называлась его статья в «Литературной газете»). Отцовство слабо представлено в общественном дискурсе, всплывая, по-прежнему, только «в крайних случаях лишения родительских

---

⁹⁸ Strong Br., DeValt Ch. & Sayad B. (1998), P. 512.

прав»⁹⁹, да и сегодня редко упоминается в связи с решением судьбы детей – социальных сирот¹⁰⁰.

К сожалению, реальные возможности судебной системы в России крайне ограничены, в частности, и в решении семейных вопросов. В ряде западных стран действуют специальные семейные суды, которые подробно разбирают все обстоятельства передачи ребенка на воспитание одному из родителей или под совместную опеку. В России не разработаны даже действенные механизмы взыскания алиментов. Возможно, введение института мировых судей будет способствовать более детальному проговариванию степени участия другого родителя (обычно отца) в судьбе ребенка после развода. Распространяются ли новые стили взаимоотношений разведенных родителей, в частности, среди нарождающегося среднего класса, практикуются ли различные формы совместной опеки, включаются ли они в брачные контракты, заинтересованы ли отцы в продолжении общения с детьми и удастся ли им сохранить отношения с ними – эти вопросы пока остаются открытыми и представляют поле для будущих исследований.

Изменились ли за последние годы представления о том, «с кем лучше жить ребенку после развода»? Выяснилось, что большинство опрошенных не поддерживает сложившуюся стереотипную практику передачи ребенка на воспитание матери. С этим суждением в исследовании III согласилось только 30% женщин и 22% мужчин. Причем среди представителей самой младшей возрастной группы и среди тех, кто имеет высшее образование, такие ответы встречаются почти в два раза реже. Лишь 8% респондентов согласились с

---

⁹⁹ *Конусов Ю.А.* Возможность компенсации негативных последствий развода для детей // *Семья как объект социальной политики*. – М.: ИСИ АН СССР, 1986. – С.154.

¹⁰⁰ *Гришина Ю.В.* Социальный приют как один из институтов устройства детей, лишенных родительского попечения. *Дипломная работа*. – М.: Ф-т социологии ГУГН, 2002.

суждением, что после развода ребенку лучше «какое-то время жить с матерью, какое-то время с отцом». Проживание ребенка с отцом (независимо от пола ребенка) допускают только 2% мужчин. Самые распространенные предпочтения фактически не связываются с полом родителя: «ребенку следует жить с тем из родителей, кого он больше любит» (48%), либо «с тем, кто может лучше его воспитать» (39%).

На практике, как свидетельствуют данные исследований, отцы редко видятся с детьми. По данным опроса незамужних матерей с детьми разного возраста в 1992 г. 51% отметили, что отец после развода не встречается с детьми. Из них 25% указали, что «отец не хочет видеться», 19% – «я возражаю против встреч», остальные – «не хочет ребенок»¹⁰¹. В исследовании разведенных женщин, проведенном совместно российскими и французскими учеными в 1993 г., 34,9% указали, что отец никогда не общается с детьми. По ответам 794 разведенных мужчин (1998 г.) 17,2% из них никогда не встречаются с детьми¹⁰². Авторы исследования объясняют отличия в ответах женщин и мужчин разным пониманием того, что значит «видеть ребенка», а также тем фактом, что матери могут не знать о встречах детей с отцами. К сожалению, не указывается, как строилась выборка. Ведь разница в ответах могла быть обусловлена несовпадением возраста детей в двух выборках. По данным исследования I (1995 г.), среди подростков-девятиклассников, проживающих после развода с матерью, 34% мальчиков и 19% девочек общаются с живущим отдельно отцом часто, 41% и 56% соответственно видятся с ним редко или иногда разговаривают по телефону, а 25% не видятся совсем. Дети встречаются с отцами тем чаще, чем старше они были на момент развода. По мнению матерей, инициаторами встреч являются дети, а бывшие мужья обычно "не проявляют никакого интереса".

---

¹⁰¹ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. – М.: Центр общечеловеческих ценностей. 1992. – С.9.

¹⁰² Демоскоп weekly. 2001, № 9-10. (www.demoscope.ru)

Среди тех, кто рожден вне брака, никто не общается с биологическими отцами¹⁰³.

С какими проблемами сталкиваются матери, воспитывающие детей без мужа? Данные исследования III показали, что, по мнению и женщин (86%), и мужчин (91%) это, прежде всего, материальные трудности. Следующая по значимости проблема – отсутствие помощи со стороны мужа в воспитании детей (79% и 76%). Только 14% женщин и 20% мужчин указали на «осуждение окружающими» таких матерей.

65% мужчин и женщин, независимо от возраста и уровня образования, считают, что, если ребенок воспитывается без отца, «страдают и девочки, и мальчики», только 3% придерживаются мнения, что больше страдают девочки, а 18% – мальчики. Однако анализ ответов на открытые вопросы показывает, что в действительности суждения респондентов не столь категоричны: «страдает или нет, зависит от того, какое воспитание дает ему мать»; «это зависит от того, как к этому относится мать»; «нисколько не страдает, если с мамой хорошо». Другие же убеждены, что «дети должны жить в полноценной семье».

Одна из тенденций, связанная с трансформацией института родительства, его *отделение от биологической основы*. Многие отцы (реже матери) не проживают вместе с детьми, причем некоторые из них являются "*эпизодическими*" родителями (детей, например, воспитывает бабушка), а другие, не поддерживая никаких контактов с ребенком, так и остаются только *биологическими* родителями. Одновременно растет число *фактических* родителей, не связанных с воспитываемым ребенком биологическими узами. Это происходит за счет распространения сводных семей и соответствующего увеличения числа *отчимов и мачех*,

---

¹⁰³ Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социол. исслед. – 1997. – №1.

расширения практики *усыновления (удочерения)* детей, в том числе не родственниками, а также принятия детей на воспитание *приемными* родителями.

Общее число детей, проживающих с отчимами и мачехами, а также с усыновителями в лице нового брачного партнера, неизвестно. Но поскольку в России после развода дети в основном остаются с матерями, чаще сводным родителем является отчим.

Может ли отчим заменить ребенку родного отца? Больше половины женщин и мужчин вне зависимости от возраста и образования считают, что это вполне возможно. Когда речь заходит о мачехе, оптимистов оказывается несколько меньше (табл. 7). Интересны рассуждения респондентов по этому поводу в ответах на открытые вопросы: «все зависит от возраста ребенка – чем он младше, тем лучше»; «может, если нет своих

Таблица 7

Распределение положительных ответов на вопрос: «Может ли отчим (мачеха) заменить ребенку биологического родителя», %

По мнению	Отчим вполне может заменить отца	Мачеха вполне может заменить мать
Женщин (№=613)	68	48
Мужчин (№=490)	57	41

детей», «иногда, если она честный человек»; «теоретически – может, но практически – редко и сложно»; «бывает мачеха лучше родной матери».

Считается, что роль мачехи более сложна и противоречива, чем роль отчима, прежде всего для нее самой. Связано ли это с тем фактом, что это менее распространенная практика или просто нагрузка на женщину в качестве родителя выше, и поэтому мачехой быть сложнее, чем отчимом? В какой мере

образ мачехи является стереотипом (безусловно, коннотация слова «мачеха» в русском языке негативна) однозначно утверждать трудно. В следующем параграфе я вернусь к обсуждению этой темы.

Без обеих биологических родителей дети проживают в опекунских, приемных семьях и семьях усыновителей.

В 2001 г. в России было передано всего под опеку (попечительство) и на усыновление (удочерение) 77800 детей (для сравнения в 1991 г. – 48200). Из них 23200 детей усыновлены (удочерены): 10000 отчимами или мачехами, 7400 российскими гражданами, 5800 иностранными гражданами¹⁰⁴. Приемные семьи пока не получили широко распространения.

Однако число детей, оставшихся без родительского попечения в последнее десятилетие, растет гораздо быстрее, чем усилия государства по созданию новых форм семейного устройства таких детей. Число социальных сирот увеличилось почти вдвое (с 59154 в 1991 г. до 128075 в 2001 г.). Поэтому в 2001г., как и в 1991 г., примерно четверть всех выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывается в государственных учреждениях. О скольких детях вообще никто не заботится, неизвестно.

Усыновление (удочерение) детей супружескими парами в России по ряду причин пока еще не получило такого широкого распространения, как на Западе. В данном случае имеют значение традиции советского государственного воспитания и соответствующая ментальность потенциальных родителей, общая «запущенность» детей, подлежащих принятию в семьи. Кроме того, согласно российскому законодательству (ст. 139 СК) существует тайна усыновления, что согласно международным документам нарушает права детей.

В США, например, практикуется *открытое усыновление*, когда поддерживаются контакты между семьей усыновителей и биологическими родителями ребенка. Такое общение может

---

¹⁰⁴ О положении детей в РФ. Государственный доклад. – М. 2002. – С. 43.

быть как опосредованным – через агентства по усыновлению, так и прямым, когда родные и приемные родители контактируют друг с другом. Немногочисленные исследования свидетельствуют, что в открытом усыновлении больше заинтересованы родные родители, а не усыновители¹⁰⁵. Насколько адекватно могло бы быть открытое усыновление в российских условиях пока не ясно.

В современных условиях родительство иногда отделяется и от собственно *сексуальной* основы, когда зачатие осуществляется путем искусственного оплодотворения, с использованием отца-донора, а вынашивание ребенка благодаря суррогатной матери. Точных сведений о распространенности подобной практики в России нет. Вполне вероятно, что в условиях бедности в стране уже налажено использование «тел» женщин с целью вынашивания детей для других людей, в том числе и иностранных граждан.

Важная тенденция – дальнейшая эмансипация детей от родителей. В западных странах «правильное родительство» подразумевает, что детей нужно учить не социальным нормам и ценностям, а всячески поощрять развитие их индивидуальности, поощряя автономию, независимость и саморазвитие. В западных странах дети получают все больше возможностей в отстаивании своих прав перед родителями. В 2002 г. мне довелось участвовать в дискуссии на тему прав детей в программе радиокomпании BBC, наряду со специалистами из Англии и США. Вот мнение американского юриста: «В Америке государство, особенно государственные школы, имеют большее значение в воспитании детей, нежели семья. Родители существенно ограничены в своих правах по воспитанию детей, они «боятся» своих детей». Психолог из Англии подчеркнула, что «хотя дети и не отстаивают свои права в суде, они хорошо знают эти права, их этому учат в школе. Поэтому в повседневном общении они могут

---

¹⁰⁵ Grotevant J., McRoy, R., Eld, e C. & Fravel, D. (1994). Adoptive family system dynamics: variation by level of openness in the adoption. *Family Process*, 33.

пошутить, например, «я сам решу, когда мне ложиться спать, я знаю свои права». В России дискурс детских прав в отношении родителей пока еще не выносится на широкое обсуждение, чаще речь идет о родительских правах. Вопрос состоит в том, чтобы найти оптимальный баланс прав родителей и детей.

В концепции идеальных исторических типов семьи С.И. Голод выделяет три соответствующие этим типам модели отношений между родителями и детьми. В патриархальной семье, отмечает автор, эти отношения строятся по принципу строгой дисциплины, безусловного подчинения младших старшим. В детоцентристской семье – дети главный смысл ее существования, в сравнении с предыдущим типом здесь материальный и духовный вклад родителей в воспитание неизмеримо больше. Автор выделяет «авторитарную», «амбивалентную» и «квазиавтономную» модификации этого типа. В супружеском типе семьи отношения родителей и детей строятся на тех же принципах, что и между супругами, то есть помимо интимности во взаимоотношениях должна присутствовать и необходимая степень автономии¹⁰⁶. Автор оговаривает, что это лишь идеальные, доминантные типы отношений. Безусловно, реальность была и остается более многообразной, и потому требует дальнейшего изучения. Например, в современных кризисных условиях России происходит деформация не только супружеских отношений, но и родительско-детских. Свидетельство тому увеличение числа отцов и матерей, лишенных родительских прав, матерей-отказниц, беспризорных детей. В выделенных идеальных типах семьи игнорируется гендерный аспект отношений, что несколько упрощает картину: динамика и содержание материнского и отцовского отношения к детям различны.

Завершая обзор тенденций развития родительства, нельзя не упомянуть об изменении отношений между взрослыми

---

¹⁰⁶ Голод С.И., 1998.

детьми и родителями. В постиндустриальных странах пожилые родители независимы от детей не только в экономическом отношении. Они стремятся и к физической и психологической независимости от детей, предпочитая в старости общественные службы ухода. Эта тенденция отчетливо проявляется даже в такой «просемейной» стране, как Япония¹⁰⁷.

По данным исследования III, результаты которого приводятся в данной главе, около 61% опрошенных считают, что «в любом случае взрослым детям надо любить и уважать родителей», 34% – «любить и уважать надо только тех родителей, которые заботились о своих детях», остальные затруднились ответить на этот вопрос. Различий в ответах по полу, возрасту и образованию не установлено.

Косвенно эти данные свидетельствуют о том, что представления о родителе как о беспрекословном авторитете меняются. Если принять во внимание тот факт, что молодежь в России стала менее зависимой от родителей, по крайней мере, материально в сравнении с советским периодом, обратная тенденция также, вероятно, может развиваться. В пожилом возрасте родителям возможно уже не придется ожидать значительной поддержки от детей.

§ 2. Родители и подростки в различных структурных типах семей

В данном параграфе распределение родительских ролей будет рассмотрено на примере родителей подростков. Поколение родителей подростков даже в условиях относительно стабильных отношений на Западе называют «сэндвич» поколением. С одной стороны, обостряются проблемы, связанные с взрослеющими детьми, с другой –

---

¹⁰⁷ Reiko, Y. (2003). Changing meaning of “dependence” in old age in postwar Japan. *CFR-Gazette*, 29 (1).

требуют повышенного внимания собственные родители, нуждающиеся в психологической поддержке, уходе, не говоря уже о стрессах в случае их болезни или смерти.

Безусловно, проблемы мужчин и женщин среднего возраста существенно различаются. Родительские обязанности и уход за пожилыми, причем часто не только за своими родителями, но и за родителями супруга, безусловно, чаще всего выполняются женщинами. В России периода 1990-х годов, в частности, у среднего возраста появились дополнительные проблемы. Если в стабильных обществах на этом этапе жизненного пути люди, как правило, имеют постоянную работу, здесь многим пришлось кардинально поменять профессиональную сферу деятельности, пережить тяготы безработицы. Далеко не все сумели адаптироваться к новым условиям. В конечном итоге накопленные стрессы могут превысить возможности человека, и это оборачивается тяжелыми последствиями для всех членов семьи, в том числе для детей.

Постепенный отход в 1990-е годы от преимущественно общественных форм воспитания детей увеличил нагрузку и ответственность родителей подростков. В условиях деидеологизации, плюрализма мировоззрений, включая деструктивные, родители и их дети встали перед выбором нравственных и ценностных ориентиров. Большинство к этому не было готово и не осознавало собственной ответственности, по инерции считая, что воспитание – это дело государства, «воспитает школа, армия», на худой конец – колония.

В 1997–1998 гг. в Москве, Воронеже и двух подмосковных городах (Королев и Люберцы) под моим руководством проведено 120 интервью с матерями, отцами и подростками. Выборка включала первобрачные семьи (80 супружеских пар), которые по статусу мужей представляли старый советский и новый рыночный секторы экономики, 30 материнских семей (матери также представляли разные секторы экономики) и сводные семьи (10 пар). Не все интервью с мужчинами

получились удачными. Они обычно немногословны, и вероятно изучение частной сферы жизни мужчин требует особой методологической стратегии. Не удалось опросить разведенных отцов, у которых есть дети-подростки. На момент исследования родителям было от 35 до 40 лет. Передо мной, в частности, стояла задача понять, как распределяются материнские и отцовские роли в типичных в социальном отношении семьях. Предполагалось, что возможно на подростковом этапе развития ребенка отцовская роль может проявиться в максимальной мере.

Какие проблемы возникают у родителей подростков в разных типах семей в период резких социокультурных изменений? Несколько слов собственно о супружестве. Основная проблема в большинстве семей, где мужья заняты в старом секторе экономики, – материальные трудности. *«Какие проблемы? Я мало получаю, она мало получает – вот и все проблемы»* (рабочий, первый брак, жена медсестра). Причем и мужчины, и женщины придерживаются того мнения, что идеальная семья – это муж-добытчик и жена-мать, домохозяйка.

«Надо все-таки семью содержать именно мужчине, а не так, чтобы женщина искала как? что? чего? Если бы он зарабатывал больше денег, он был бы идеальным. Поэтому основные проблемы наших отношений – это совместное проживание с родителями и финансовое положение» (медсестра, первый брак, муж – электрик). *«Мужчина – это кормилец, глава семьи. Я, например, однозначно считаю, что в семье должен быть один хозяин. Я даже считаю, что когда начинают: "вот, хозяйка, не хозяйка" – это неправильно. Мужчина хозяин, и вся внешняя политика семьи – это должен быть мужчина, «внутренняя политика» – это да, женщина»* (инженер-строитель, разведена). *«Конечно, муж должен полностью обеспечивать семью. Если бы я был Рокфеллером, так бы и было. Конечно, до лета можно было (имеет в виду до августа 1998 г.)... Что, быть Рокфеллером? – Смейся. – Да*

нет, по крайней мере, зарабатывать, а теперь вот трудно (водитель, первый брак, жена – рабочая). «В чем предназначение мужчины? – Чтобы то время, которое ты на себя возлагаешь, в смысле семьи, детей, ты смог бы вынести и по возможности обеспечить их» (инженер, первый брак, жена – учитель).

Образ семьи с разделением ролей активно эксплуатируется и средствами массовой информации и PR, хотя реалии последнего десятилетия позволяют реализовать этот идеал на практике лишь незначительному числу супругов, даже когда мужа заняты в новом секторе экономики. Во многих семьях жены выступают равными или даже основными «добытчицами», но ожидания супругов строятся исходя из идеальных представлений, что является источником проблем. Жены не удовлетворены тем, как и сколько мужа зарабатывают, а мужа, в свою очередь, тем, что жены не демонстрируют зависимых образцов поведения.

В советское время мужская идентичность «добытчика» была в значительной мере утрачена. Несколько поколений советских мужчин выросли на идее служения «родине-матери», государству, но не интересам собственной семьи. В новых условиях, с одной стороны, неспособность, неумение «крутиться» (как выразился один из респондентов), с другой стороны, жесткие требования времени, в том числе со стороны членов семьи, часто формируют у мужчин этого поколения состояние перманентного стресса.

Анализ интервью позволяет сделать предположение, что в 1990-е годы одной из успешных стратегией адаптации семей с детьми-подростками было разделение между супругами риска смены работы. Обычно это предполагало переход мужей в новые секторы экономики или занятие собственным бизнесом, в то время как жены продолжали работать в стабильной бюджетной сфере. *«Мы вместе решили, пусть он попробует что-нибудь предпринять. Ну, не получится – с голоду не умрем, какую-никакую зарплату я получаю. И они с приятелем*

открыли магазин» (врач, первый брак, муж – менеджер в торговой фирме). Когда риск не оправдывался, жены могли обеспечить хотя бы выживание семьи. В одной из первобрачных семей, где муж представлял новый сектор экономики, в момент опроса семья вообще оказалась на грани полной нищеты: неработающая жена, двое детей и огромный долг. Жена дала короткое интервью, из которого ясно, что жалеет она больше всего о том, что сама бросила работу.

Иногда на риск шли жены, но мужья не всегда способны примириться с успехами жен в бизнесе. 7 из 30 разведенных матерей оставили мужей незадолго до опроса и все они преуспевали. Причиной развода, по мнению жен, стали неадекватные реакции мужей на их успехи – зависть, ревность, попытки отвечать изменами на длительное вынужденное отсутствие жен вне дома¹⁰⁸. *«Понимаете, я ему говорила, ну хорошо, ты считаешь, что у нас все есть, но я так не считаю. Я хочу жить достойно, я же не прошу тебя зарабатывать, дай возможность мне... У нас дочь растет. Я хочу, чтобы она жила по-человечески... Нет. Он и сам ничего не делал и мне мешал, хотя от денег не отказывался»* (менеджер турфирмы, разведена).

Вероятно, многим представителям поколения, прошедшим социализацию в советских условиях, для которых дети являются нормативной ценностью, не удалось реализовать свои репродуктивные намерения, в том числе по материальным причинам (почти треть проинтервьюированных первобрачных семей имели двоих детей, остальные – одного.) Позднее важным фактором становится нестабильность социально-экономической ситуации. *«Ну, как это, замуж вышла – значит, ребенок должен быть. Никто его не планировал, так получилось и всё. Хотела мальчика. Кого муж хотел, не знаю, а я почему-то хотела мальчика. Потом я уже*

---

¹⁰⁸ Сходный вывод см. в: Орлова Н.А. Отношение к браку незамужних матерей. Дипломная работа. – М.: Ф-т социологии ГУГН, 2002.

никого не хотела. У нас такие условия тяжелые материальные были, и вообще, жилищные. Мы семь лет по квартирам ходили до этой квартиры. Да и что это за квартира? Втроем живем в 13-метровке. До этого в общежитии жили семейном» (пекарь, первый брак, муж – водитель). «Никогда не хотела больше иметь детей. Никого. Нет, мы не обговаривали, почему, потому что я знаю его, и знаю себя. У нас на эту тему даже разговоров никогда не возникало. Потому что ни мне, ни ему это не нужно. Это лишние проблемы, а мы люди не настолько богатые, чтобы, допустим, могли троих детей содержать, дать им образование. А нищету производить, я считаю, что это просто преступление самое настоящее» (инженер-строитель, первый брак, муж – бывший инженер). «Вы хотели еще иметь детей? – Хотела, когда получила отдельную квартиру, то была такая мысль. Но стали возникать конфликты, почему-то у нас так сложилось, это когда были трудности, не было жилья, мы жили сплоченнее, а когда все приобрели, пошли конфликты. Не к чему стремиться, что ли, стало... А вообще – да, хотелось, я очень даже хотела, потому что когда выросли дети-погодки, я не успела насладиться вот этим вот "материнством", когда можно понянчиться с маленькими. Мы жили у свекрови, три семьи, и у нас все было "быстрее-быстрее". В ванную – быстрее, на кухню, и все в таком ненормальном темпе, что с ребенком поиграть, погулять, не было времени... А потом материально и с политической нашей обстановкой сейчас просто страшно» (повар, первый брак, муж – рабочий).

Надо подчеркнуть, что в большинстве пар решение о том, «заводить» ли очередного, так же как и первого, ребенка, принималось женой. Мужья на этот вопрос отвечали очень лаконично: «жена не захотела, я бы не против», «у нее спросите». Складывается впечатление, что часто мужчины отстранены от принятия решения в этом вопросе.

В шести семьях (из 80 первобрачных), где мужья работали в новом секторе экономики и достигли высоких или, по крайней мере, стабильных заработков, потребность во втором ребенке реализовалась спустя 14-16 лет после рождения первого. Решение о рождении второго ребенка принимала жена. *«Дочь я родила, когда мы были еще студентами. Как-то она выросла незаметно, и вот ей скоро 15, отдаваться она стала. А я поняла, что вот на работе я всего достигла, я даже больше мужа зарабатывала. И я поняла, что вот, ну не знаю, как сформулировать, что я вот могу дать жизнь еще одну... Нет, мы не очень богатые, но муж прилично зарабатывает... Он мне ничего не говорил, что вот мол давай родим ребенка... Нет, я сама очень захотела еще родить. А работу я всегда найду, без работы не останусь. Но сейчас решила еще дольше дома посидеть»* (работала главным бухгалтером, первый брак, муж – сотрудник министерства). *«Мы с мужем стали очень прилично зарабатывать. Ни себе, ни дочери мы ни в чем не отказывали. И я подумала – рожу ребенка. Это то, чего мне очень хотелось, но раньше я не могла себе позволить... А потом в консультации я много таких встречала: рожают поздно и с большой разницей»* (работала стоматологом, первый брак, муж – стоматолог).

Одна из стадий психосоциального развития, выделяемая Э. Эриксоном, – генеративность. «Модное упорство в преувеличении зависимости детей от взрослых часто закрывает от нас зависимость старшего поколения от младшего. Зрелый человек нуждается в том, чтобы быть нужным, а зрелость нуждается в стимуляции и одобрении со стороны тех, кого она произвела на свет и о ком должна заботиться»¹⁰⁹. В общепринятой классификации функций семьи, в частности для индивида, самореализация в детях занимает одно из приоритетных мест¹¹⁰. Но все ли родители

---

¹⁰⁹ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: «Речь», 2002. – С. 255.

¹¹⁰ Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. – М.: Наука, 1989. – С. 43.

желают самореализоваться в детях? Вероятно, женщинам это удается в большей мере, нежели мужчинам. Может быть механизмы такой самореализации гендерно специфичны? Это тема для дальнейших исследований.

Среди проинтервьюированных **первобрачных семей** большинство и жен и мужей отмечают, что основная родительская нагрузка ложится на мать. «А Вы, как отец, какую роль играете? – *Денежного мешка*. А еще? – *Ну, это у жены спросите* (отец дочери, водитель, жена – медсестра). «Как вы оцениваете себя в роли отца? – *Ну, в роли отца... я не знаю... ну, балла на три*. В чем это выражается? – *Надо больше его таскать с собой, заниматься с ним, уделять ему побольше времени, как мужчина с мужчиной. Какой-то он тютя растет, а не мужик... Да, жена больше с ним занимается*» (отец сына, охранник, жена – оператор в банке). «*Я как отец должен заниматься своим производством. Мать, считается, должна воспитанием заниматься. Хотя у нас в России сейчас такого нет, чтобы воспитанием занимались*» (отец сына, грузчик, жена – продавец).

Выполнение отцовской роли в значительной мере различается у представителей нового и старого секторов экономики. Это различие не количественное (временные затраты) сколько качественное. В семьях, где мужа практически полностью обеспечивают семью, они чаще вовлечены в общение с детьми, особенно с сыновьями. Они увлекают их в совместные занятия: например, вместе посещают бассейн, играют на компьютере, ремонтируют машину. Безусловно, этому способствуют материальные возможности семьи. Отцы, вовлеченные в частный бизнес, ориентируются на будущее участие сыновей в собственном деле. «*Со временем он становится ближе к отцу. Все эти компьютеры, машины... он больше с папой занимается; мне надо постирать, приготовить что-то там, покормить*

вовремя, уроки я почти не смотрю... А когда закончит институт, муж мечтает его к себе взять» (мать сына, медсестра, муж – менеджер в торговой фирме).

Отцы, работающие в старом секторе экономики и занятые трудом невысокой квалификации, демонстрируют советские практики отстранения от семейной жизни и родительской роли. Обычно они не видят перспективы в передаче детям своих навыков и того, чему его учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям как с сыновьями, так и с дочерьми. *«Сыном больше должен заниматься муж, но поскольку у нас такой муж... или у него такое умственное развитие... или он такой вообще... не могу сказать. Ну, раз у нас роли поменялись, что теперь... Я себя в какой-то степени ощущаю в роли папы. Я сыну внушаю: “Сынок, неизвестно, кем ты будешь работать, но надо выучиться, стараться, стремиться». А роль отца в чем? Отец вообще должен всем заниматься. Он должен сыну помогать, учить, слова нужные говорить, но у нас этого нет»* (мать сына, заведующая ателье, муж – рабочий).

В большинстве проинтервьюированных семей не только девочки, но и мальчики сохраняют к этому возрасту более тесные связи с матерями, которые, в свою очередь, хотя видеть в них детей, а не взрослых. *«Я вижу в нем ребенка, хотя он уже и не нуждается во мне, как раньше, сейчас это только моя потребность в общении. Муж относится к нему как к взрослому мужчине»* (мать сына, учительница, муж – инженер). Считается, что в тех семьях, где отец физически или психологически отсутствует, а мать излишне привязывает к себе ребенка, могут возникнуть проблемы с формированием независимости и самостоятельности у мальчиков, хотя не только отец может быть для мальчика образцом. *«Дедушка, мой отец, – для него идеал. Я не знаю почему, так ещё с детства пошло, он отца меньше любил, чем деда. Он ему всегда подражает»* (мать сына, повар, муж – автомеханик).

Многие отцы (примерно четверть из «первобрачных» семей), по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы маскулинности – авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм. *«Ну, а чему он будет у отца учиться? Водку пить? Обещания пустые давать?...Почему не разведусь? Не знаю. Жалко, семья все-таки у нас»* (мать сына, продавец, муж – рабочий). *«Ну, как он им занимается? То он неправильно сделал, это. Раньше чуть что – за ремень хватался. А ты покажи ему как надо. Научи чему-нибудь... Сложные у них отношения, хотелось бы, чтобы получше были. Не находят они с ним общего языка. Начнут играть, а дело доходит до серьезного»* (мать сына, повар, муж – рабочий).

В мужских высказываниях часто присутствует «генетический дискурс» родительства. Осознавая, что они мало участвуют в непосредственном общении с сыном или дочерью, отцы уверены, что их влияние и «отцовское предназначение» проявится благодаря наследственности. *«А что касается нравственных качеств, то она их перенимает от меня. Даже на генетическом уровне это заложено... чисто без воспитания: стиль поведения, манеры, образ мыслей она перенимает от меня, и я стараюсь ее по возможности направлять»* (инженер, первый брак, жена – продавец). *«Это не он поедет в Америку, это я поеду – мои гены»* (отец сына, руководитель фирмы, жена сотрудница – НИИ). *«А что его воспитывать, вот ты берешь охотничью собаку, что ее воспитывать, ее только натаскать можно...»* (отец сына, менеджер фирмы, жена – домохозяйка). *«Что бы она (жена) с ним не делала, все равно мои гены возьмут верх, все равно в меня пойдет»* (рабочий, первый брак, жена – парикмахер). Таким образом, материнский труд не замечается и не оценивается, социализация происходит как будто сама собой.

«Оправдательный» дискурс, связанный с ребенком «не того пола», одинаково часто встречается в двух вариантах: «вот

была бы дочь, наверное, была бы ближе к отцу», «был бы сын, был бы ближе к отцу, а так ведь дочь, понятно, ближе к матери». *«У них еще крепче дружба, чем у нас. Почему-то так получилось. Если бы девчонка была, может, ближе к отцу была бы. А он больше матери рассказывает, чем мне. Может, потому что я погрубее, она помягче»* (отец сына, механик, жена – рабочая).

Но наиболее распространенное оправдание отстранения от общения с ребенком – отсутствие времени, хотя фактически выясняется, что у жены для общения с ребенком времени ничуть не больше. Интервью с отцами демонстрируют тот факт, что их мужская идентичность предполагает постоянную занятость, отсутствие времени на общение с женой и детьми, и они всячески конструируют такой «гендер» в семье. *«Ой, времени совсем нет, ухожу я рано, возвращаюсь часов в шесть. Ну, летом вот на рыбалку его беру. А так жена больше занимается»* (отец сына, рабочий, жена – продавец).

В женских интервью присутствует дискурс «компенсации» невнимания со стороны собственной матери: *«Я постоянно с ней, контролирую даже, что она кушает, как она спит. Если у нее проблемы, значит, что-то я просмотрела, я что-то недодала. Это моя вина, а не ее...И то, что мне не хватало материнской поддержки, я стараюсь воплотить, чтобы "додать" то, что мне не дали. Бабушка бабушкой, а еще нужна мама, поэтому, может быть, я очень серьезно к этому отношусь»* (мать дочери, художница, разведена). В мужском варианте, среди преуспевающих в бизнесе мужчин, «компенсация» формулируется в терминах новых социальных возможностей для детей. *«А что я раньше мог? Дядька мне топором джинсы рубил... А теперь, когда сын собирается с друзьями на даче... они общаются не так, как мы. Они какие-то сценарии пишут, что-то обсуждают... У меня слезы текут... Я дождался. Никто же не верил. Когда 7 ноября я наливал себе стакан, думал, что эта империя будет тысячу лет»* (отец сына, руководитель фирмы, жена – домохозяйка).

Один из важных вопросов касается собственно содержания материнской и отцовской ролей. Около половины опрошенных в 1999 г. (исследование III) ответили, что матери и отцы по-разному влияют на детей. Причем одни обосновывают эти различия поло-ролевыми особенностями: «авторитет отца более значителен», «разное количество времени проводят дома – разное влияние», «мужчина отвечает за одни черты характера, женщина – за другие», «отец – это сила, чувство ответственности, а мать – уют, нежность, любовь». Другие – различиями женской и мужской «природы»: «мать и отец различаются физиологически и анатомически»; треть считают, что мать и отец – это «просто два разных человека», и их разное влияние не связано с полом. В ходе интервью с родителями подростков выявлены несовпадающие, иногда противоположные представления о родительских ролях, что свидетельствует о размывании специфики «материнского» и «отцовского».

Мать и отец как образцы «половой роли»: *«Конечно, и принципиальная разница между отцом и матерью для девочки и для мальчика. Чисто даже половое разделение, воспитание определенных качеств, которые может привить только отец или мать и т.д. И воспитываем мы их по-разному ... это разное воспитание. Дочь мать копирует, мать – это ее подруга, а сын, я думаю, ориентируется на меня»* (отец мальчика и девочки, архитектор, жена – преподаватель). Взаимозаменяемость ролей: *«Наверное, мужчина должен давать мужское начало, а женщина – женское; и это не должно подменяться. В отношениях с сыном это нам удается; у них с отцом есть свои мужские дела, а я, так сказать, ласка, мягкость, гуманитарные дела всякие, будем говорить так. А молоток, охота, подготовка рыболовных снастей – это их дела. А с другой стороны, разделить эти занятия невозможно, и часто мы заменяем друг друга»* (мать сына, учитель, муж – инженер). Мать отвечает за «семейные качества», отец – за «дорогу в большой мир»: *«Я стараюсь*

воспитывать в нем мужа и отца, мужчину, которого бы полюбила сама, а папа – делового человека. Он будет наследовать дело отца» (сотрудница банка, муж – руководитель фирмы). Противоположная ситуация: *«Жена с сыном сами решили, куда он будет поступать, не знаю, меня они не слушают»* (электрик, жена – парикмахер).

Отец – строгость, авторитет, мать – мягкость. *«Муж как-то сдержанно к нему относится. И мне часто говорит, что я его балую слишком. Говорит, надо построже. А я ему говорю: “Ты отец, ты и должен построже, а я мать, могу и поласковой»* (пекарь, муж – механик). *«Отец прививает более жесткие, что ли элементы. Для мальчиков особенно это важно я считаю»* (отец мальчиков-близнецов, инженер, жена – контролер). Противоположная ситуация: *«У нас мама очень строгая, дисциплина для нее – главное. Она своим хорошо поставленным голосом педагога, который слышно до Кремля, что-то ей говорит, а она встает на дыбы. Ну, слово за слово... Я стараюсь с дочкой помягче как-то, я и балую ее чаще»* (отец девочки, научный сотрудник, жена – преподаватель). «Гендерно-нейтральный» подход довольно лаконично был обозначен в одном из интервью: *«Мать и отец это как «хороший следователь» и «плохой следователь» – кто-то должен хвалить ребенка, а кто-то ругать, вот и вся разница между ними»* (отец мальчика, водитель, жена – медсестра).

Восприятие матерей и отцов самими детьми – возможно, более точный показатель при анализе родительских практик. В исследовании I в 1995 г. подросткам и позднее в 2001 – 2003 гг. студентам я предлагала завершить незаконченные предложения: *«Я люблю свою мать, но...», «Я люблю своего отца, но...»*. Количественное распределение ответов и их смысловое содержание практически схожи у подростков и студентов. Примерно половина и девушек и юношей, проживающих в первобрачных семьях, любят мать и отца без «всяких но». Другие ответы демонстрируют отличающиеся

друг от друга образы матерей и отцов. Матери в основном «излишне контролирующие». Они ругают «ни за что», кричат, «пилят», «не дают самостоятельности», «слишком беспокоятся», «лезут во все». К отцам претензии более серьезные. И девочкам, и мальчикам не нравятся грубость, несправедливость, претензии на абсолютную правоту, способность «замечать только недостатки других», свойственные отцам, многие указывают на пьянство. С отцами дети хотят «быть чаще», жалуются на их отсутствие дома, на недостаток «нежности» или «доброты». Девочкам не нравятся привычки отца: «неопрятен», «ленив», «зануден», «эгоист». А некоторые прямо пишут: «предпочла бы иметь другого отца». Напротив, когда отец живет отдельно и встречи с ним крайне редки, он часто идеализируется. Распространенные ответы: «люблю его в глубине души», «люблю своего отца, но любовь эта заочная, т.к. не общаюсь с ним», «люблю, но никогда его не видела».

Однако создается впечатление, что происходят сдвиги и в распределении родительских ролей, по крайней мере, в первобрачных семьях, что нуждается в дальнейшем изучении. По-видимому, по мере того, как жены стали не просто заняты на работе, а реально включились в зарабатывание денег, начинает меняться и поведение отцов. Позволю себе привести лишь один фрагмент из интервью исследования V (2002 г.), свидетельствующий об изменении отцовской роли. *«Кстати, у нас сейчас очень много появилось пап, что меня очень сильно радует, которые занимаются в общем здоровьем своих дочерей, иногда значительно больше и значительно лучше, чем мамы. И это нас очень радует, потому что раньше такого не было, чтобы папа привел девочку к гинекологу, раньше такого не было»* (детский гинеколог, Брянск).

Семьи с одним родителем. Тема «неполноценности» так называемой «неполной» семьи, ее воспитательной несостоятельности – обязательный элемент официального (общественного, научного) дискурса при обсуждении

«кризисного состояния» семьи. Соответственно «полнота» семьи квалифицируется как идеальный образец, построенный на мифе о «счастье» в нормативной семье. Особенно единодушны в таких выводах психологи, многие из которых руководствуются исключительно психоаналитической теорией, не принимая в расчет новые социальные обстоятельства.

В отечественных социологических работах «пороки неполной семьи» стали анализироваться в начале 1980-х годов, в период активной пропаганды стабильного брака. Однако и тогда были ученые, которые эмпирически доказывали нелепость огульной дискредитации таких семей¹¹¹. Но и в конце 1990-х годов официальный дискурс не изменился: на материнскую семью продолжали списывать проблемы с поведением детей и подростков. Отчеты отечественных министерств и ведомств буквально напичканы этим штампом. И подростки-наркоманы, и проститутки, и преступники – все они якобы воспитываются в основном в «неполных» семьях. Понятно, что проще списать эти проблемы на матерей, нежели на социально-экономические проблемы в стране. Никто не дает себе труда подсчитать, сколько детей соответствующего возраста в целом по стране живут в таких семьях. Удельный вес последних существенно возрастает к подростковому возрасту детей за счет разводов, вдовства, раздельного проживания родителей. Если правильно считать, то выяснится, что проблемы в поведении детей встречаются с одинаковой частотой, как в «неполных», так и в полных семьях. Сама по себе «полнота» семьи не является залогом успеха, особенно в условиях сегодняшней России, также как «неполнота» не является главной причиной детского неблагополучия. Существует ряд факторов риска, которые в случае проживания ребенка в «неполной» семье могут

---

¹¹¹ См. напр.: *Аристова Н.Г.* Влияние структуры семьи на успешность выполнения воспитательных функций // *Семья как объект социальной политики* / Отв. ред. М. Г. Панкратова. – М.: ИСИ АН СССР, 1986.

отрицательно на нем сказаться¹¹². Но факторы риска существуют и в других структурных типах семей.

Согласно полученным мною результатам, ни по одной из измеряемых переменных не обнаружено различий между подростками, живущими в материнских семьях, с одной стороны,

Таблица 8

Локус контроля, нейротизм, и самооценка подростков, проживающих в различных типах семей

Качества подростков	Семьи									
	Перво- брачные (N=543)		Сводные (N=95)		Без отцов (N=331)		Без родителей* (N=11)		ВСЕГО (N=980)	
	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.
Локус контроля <i>средняя</i>	33.7	33.5	33.7	32.2	33.5	34.1	32.4	31.5	33.6	33.5
<i>стандартное отклонение</i>	3.1	3.2	3.5	3.2	3.1	2.7	3.0	3.6	3.1	3.1
Нейротизм <i>средняя</i>	12.0	14.9	12.5	16.0	11.8	14.3	11.2	16.8	12.0	14.9
<i>стандартное отклонение</i>	4.2	4.4	3.5	4.7	4.0	4.8	5.4	5.3	4.2	4.5
Самооценка <i>средняя</i>	17.6	17.5	17.4	16.9	17.3	17.1	15.4	16.0	17.6	17.4
<i>стандартное отклонение</i>	2.8	3.4	2.9	2.6	2.9	3.1	3.5	3.2	2.8	3.3

*Эти семьи не были включены в статистический анализ различий в силу их малочисленности в выборке.

¹¹² Подробно см.: Гурко Т.А., 1992. – С. 21.

и подростками из первобрачных семей, – с другой¹¹³. Социальные характеристики включали: успеваемость в школе, ориентацию на поступление в вуз, курение и употребление алкоголя. Результаты измерения психологических качеств (локус контроля, нейротизм, самооценка) представлены в таблице 8. Полученные результаты объяснялись, в том числе, и конфликтностью в первобрачных семьях, обусловленной воздействием различного рода стрессогенных социальных факторов в 1990-е годы. Однако, отмечалось, что дальнейшая феминизация бедности, связанная с нарастающей социально-экономической дифференциацией, может привести и к детской бедности, и, как следствие к неблагополучию детей в материнских семьях.

В то же время, согласно наблюдениям некоторых феминистских авторов, среди определенных слоев населения в ситуации бедности материальное положение материнских семей часто оказывается более благополучным, чем полных¹¹⁴. В социальных группах с низкими доходами мужа зачастую не выполняют роль добытчика и, вопреки стереотипу, нередко потребляют средств больше, чем приносят в семью. Такие случаи распространены и в России: женщине иногда проще содержать только ребенка, но не ребенка и мужа, например, алкоголика.

Согласно результатам, полученным в ходе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), выявлено, что домохозяйства, включающие матерей с детьми, имеют более низкий экономический статус в сравнении с домохозяйствами, состоящими из обоих родителей с детьми. Их также в два раза меньше среди

---

¹¹³ Подробно см.: *Гурко Т.А.* Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социол. исслед. – 1996. – №3, – С. 84.

¹¹⁴ *Ферри М.М.* Феминизм и семейные исследования // Гендерные тетради. Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Клецин. – СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1999. – С. 93.

«богатых» домохозяйств. Одновременно отмечается и существенная дифференциация домохозяйств, включающих матерей с детьми, по доходу¹¹⁵.

Другие авторы отмечают региональные различия, состоящие в том, что «одинокие» матери в Москве гораздо чаще вовлечены в дополнительную занятость, в регионах же просто нет возможности подработать¹¹⁶.

По данным РМЭЗ материально более благополучны те материнские семьи, в состав которых входят дети старше 18 лет или представители старшего поколения. В середине 1990-х годов около половины матерей с детьми проживали вместе с родственниками, преимущественно с родителями¹¹⁷. Это обстоятельство создает возможность незамужним матерям решать бытовые проблемы, обеспечивать уход за детьми, и, посвящать себя карьере и/или зарабатыванию денег.

Зарубежные исследователи отмечают сильные психологические стороны семей с одним родителем: четкость, непротиворечивость требований к детям, более открытое и близкое общение с ними. Одинокие родители способны сочетать стили материнского и отцовского поведения, и часто мобилизуются в связи с принятием полной ответственности за семью¹¹⁸.

Интервью с матерями подростков часто подтверждают эту гипотезу. Разведенные женщины считают, что после развода обстановка в семье стала более спокойная, отношения с ребенком более доверительными. Тот факт, что они воспитывают детей одни, часто выступает толчком к личностному росту, поиску новой работы, самосовершенствованию, чтобы как-то компенсировать

---

¹¹⁵ Lokshin, M., Harris K.M., & Popkin B.M. (2000). Single mothers in Russia: Household strategies for coping with poverty. *World Development*, 28, P. 2184.

¹¹⁶ Лунякова Л.Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социол. исслед. – 2001. – №2. – С. 92.

¹¹⁷ Lokshin, M., Harris K.M., & Popkin B.M. (2000), P. 2186.

¹¹⁸ Richards, L.N. & Cynthia, J.S. (1993). Problems and strengths of single-parent families: implications for practice and policy. *Family Relations*, 3.

отсутствие мужа. *«Мы обе стали спокойнее и отношения наши стали лучше, когда два года назад разъехались с мужем. Дочь всячески меня поддерживала. Мы устали терпеть унижения и обиды... Материальные проблемы? Я уже давно получала больше мужа. Главное, что дома будет тихо, никто не будет приводить сюда чужих людей...А свою личную жизнь я устраиваю так, чтобы это не отражалось на дочери»* (сотрудница фирмы, разведена). В отношении нового замужества материально благополучные женщины высказываются примерно так: нет подходящего партнера, а «приводить в дом кого угодно ни к чему», «нам хорошо вдвоем», «боюсь разочарований» и для себя, и для ребенка.

Матери подростков, никогда не состоявшие в браке, нередко поддерживают длительные отношения с женатым мужчиной, иногда отцом ребенка. Один такой случай зафиксирован в интервью. *«Да, сын знает, что это его отец и что у него есть другая семья, бабушка ему рассказала. Но он как-то спокойно к этому относится, особенно когда «дядя Толя» ему признался сам, что он отец»* (мать сына, парикмахер, никогда не состояла в браке).

Тяжелее переживают отсутствие мужа вдовы, вероятно, потому, что они не были сознательно ориентированы на статус «одинокой» матери. *«У меня однобокое воспитание получается. Это нехорошо, особенно для мальчика. Когда был отец, я этого не замечала, но когда его не стало, он очень переживает, ему не хватает. Он был маленький и мужа сестры стал называть папой. Даже если отец не очень хороший, все равно он может к нему подойти и спросить то, что у матери он, может быть, не спросит»* (мать дочери и сына, технолог, вдова).

По свидетельству разведенных матерей и судебных исполнителей, многие отцы не только не стремятся общаться с детьми, но всячески избегают уплаты алиментов¹¹⁹. Материальная поддержка детей, как и участие в их

---

¹¹⁹ Гурко Т.А., 1999.

воспитании, все больше зависит от доброй воли отцов и не контролируется государственными институтами, что усиливает неопределенность и нестабильность уровня жизни семей разведенных женщин с детьми¹²⁰. «Адекватные алименты» по некоторым оценкам получают только 12% разведенных матерей, причем это, как правило, те «женщины, которые особенно в них не нуждаются, имея нового состоятельного мужа или сами хорошо зарабатывая»¹²¹ (правда остается неясным, что такое, по мнению автора, «адекватные алименты»). Нищие же разведенные матери часто не получают вообще ничего. Социальное расслоение общества отражается и на материальном положении материнских семей.

Интервью с родителями подростков позволяют сформулировать гипотезу, что мужчины более склонны заботиться не о биологических детях, а о детях женщины, с которой они живут и которую идентифицируют со «своей семьей». *«Да, если бы не мама, царство ей небесное, я бы не знала, что и делать. Я ее сюда выписала, когда с первым мужем развелись, чтобы я могла работать. Работала день и ночь... И до сих пор я не получаю алименты. Если только я сейчас зайнусь об алиментах, он мне будет делать раздел квартиры. А у меня двое детей, разнополые, я хочу сохранить квартиру для них, они ведь в будущем женятся, замуж выйдут. Мне-то ничего не нужно... Потом у него уже там другая семья есть, я думаю, это его вторая жена там крутит... Ей все мало, у нее своих две дочери, и как кошка будет драться за своих котят, так и она тоже... А какие у него могут быть отцовские чувства, если он Любу с двух лет не видел и не приезжает, ему ненужно. Когда они встретились, где-то года три назад, он ее не узнал»* (мать сына и дочери, контролер ОТК, разведена). Такое поведение достаточно типично для отцов с невысоким уровнем

---

¹²⁰ Демоскоп weekly. №9-10, 2001, www.demoscope.ru

¹²¹ Воронцова М.Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социол. исслед. – 2000. – № 11. – С. 145.

образования, имеющих новую семью. Участие отцов в жизни детей от первого брака более вероятно, если они принадлежат (или принадлежали) к образованному слою интеллигенции и если жена, с которой проживают его биологические дети, не вступила в брак. Но различные формы совместной опеки над ребенком после развода почти не практикуются, хотя этот вопрос требует специального изучения.

Российских данных о специфике проблем в **сводных семьях** практически нет. В исследовании 1995 г. мною было установлено, что в сравнении с первобрачными и материнскими, проживание в семьях с отчимами (сводных) неблагоприятно сказывается на развитии личности девочек. Они хуже учатся, чем девочки из первобрачных семей (зависимость статистически значима), реже ориентированы на поступление в вуз, чем их ровесницы из материнских семей. Среди них в среднем выше внешний локус контроля и уровень нейротизма (см. табл. 8). Мальчики из сводных семей лишь чаще выпивают, в сравнении с мальчиками из материнских семей. Данные исследования также показали, что в сводных семьях девочки чаще недовольны взаимоотношениями с матерью.

Почему факт проживания в сводной семье связан с неблагополучием девочек? Я попыталась это выяснить в ходе интервью. Данная закономерность в большей мере проявляется в тех сводных семьях, где отчим появился недавно, а также в тех случаях, когда сожитель матери не является ее юридическим мужем (хотя подростки часто называют его отчимом). Девочки подростки, чаще, чем мальчики, критично настроены по отношению к отчиму, постоянно сравнивают его с биологическим отцом. То, что иногда допускается родным отцам, не допускается отчиму и вызывает протест, за ними не признается право устанавливать свои правила. В таких семьях девочки более критичны и по отношению к матерям, на что есть свои основания. *«Иногда мне кажется, что мы не понимаем друг друга. Я ненавижу,*

когда она, зная, что мы с сестрой не спим, занимается сексом за стенкой и потом нас же упрекает, что мы ее личную жизнь не уважаем. Я люблю отца, но это не тот человек, с которым на месте матери я смогла бы жить, но и не развелась бы с ним, как это сделала она» (девочка из сводной семьи).

По данным интервью с матерями, создается впечатление, что отчимы в еще большей мере отстранены от отцовской роли, чем родные отцы или усыновители, они несут еще меньше ответственности за новую семью. Хотя все ситуации очень разные.

На принятие отчимом роли отца влияют ожидания матери и ребенка в сводной семье. *«Мой новый муж пытается воспитывать сына, а мы с сыном считаем, что он не имеет права. Да он и денег нам уже полгода не дает, работу никак, видите ли, не найдет. Сидит у меня на шее. Как-то по пьянке даже руку на него поднял. Нет, человек он неплохой – и приготовить может и отремонтировать...»* (мать сына, технолог, первый брак не с отцом ребенка, муж ремонтирует квартиры). Наличие детей от первого брака, частота и близость общениобщения *«Все, что я ни скажу, все не так. Они сами все знают... Мне и там (в первом браке) не особенно рады, разве что денег дай. И тут я вроде лишний»* (отец дочери от первого брака и отчим сына во втором браке, охранник, жена распространяет косметику).

Зарубежными исследователями установлено, что взаимоотношения в сводных семьях более сложны и потенциально конфликтны. Согласно данным советской статистики 1980-х годов, повторные браки менее устойчивы, нежели первые. Зарубежные ученые объясняют этот факт привнесением в новый брак сценария «конфликта и насилия», заимствованного из прежних отношений. Повышенный стресс в таких семьях связан также с отсутствием институциональных норм, регулирующих подобные отношения. Скажем, должен ли небιологический родитель

принимать равное участие в воспитании приемного ребенка, должны ли они любить друг друга. Таких вопросов много. Общество не сформировало нормы, которыми могли бы руководствоваться пары в сводных семьях¹²². Не имеется никаких правил, например, определения ответственности отчима перед ребенком: кто он? – друг, отец, своего рода дядя. Нет правил, устанавливающих отношения между прежним супругом (супругой) индивида и ее (его) нынешним партнером: являются ли они друзьями, знакомыми, конкурентами или незнакомцами?

Европейские исследователи приводят результаты, согласно которым общественное мнение и ближайшее окружение формируют стереотипы «неудачных отношений» в сводных семьях. Повторные браки чаще, чем первые, вызывают неодобрение ближайших родственников¹²³. Кроме того, возникают проблемы взаимоотношений с прежними семьями и родственниками, материальные трудности. Сводный родитель, обычно отчим (усыновитель), должен содержать ребенка, а иногда и жену, от предыдущего брака. Новые проблемы возникают в тех случаях, если в повторном браке появляется общий ребенок. Поведение матери и отчима во многом определяет то, как ребенок от прежнего брака воспринимает изменившуюся ситуацию. Обиды и ревность старшего ребенка часто вымещаются на сводных младших и остаются на всю жизнь. Кроме того, дети часто настраивают родного родителя против сводного, поскольку не могут скрыть чувство ревности¹²⁴. Ребенок в сводной семье в случае предъявления требований, которые он не желает выполнять,

---

¹²² Ganong, L. & Coleman, M. (1994). *Remarriage family relationships*. Newbury Park, CA: Sage.

¹²³ Nemenyi, M. (1992). The social representation of step families. In U. Bjornberg (Ed.), *European parents in the 1990s: Contradictions and comparisons*. New Brunswick & London: Transaction Publishers.

¹²⁴ Bernstein, A.C. (1997). Stepfamilies from sibling perspectives. *Marriage and Family Review*, 26.

нередко манипулирует родителями. Вот случай, зафиксированный в интервью. «Она у нас как что, так бежит к своему отцу с бабушкой. Они тут недалеко живут. И начинает жаловаться: мы ей того не купили, а младшему купили. Мы ей запретили гулять поздно... Да, ревнует, конечно. Говорит, мы лучше бы с тобой вдвоем остались...» (мать дочери-подростка от первого брака и сына от второго, продавец, муж – строитель).

Установлено, что чем в более раннем возрасте ребенка отчим появился в семье и чем более благополучны его отношения с женой, тем в большей мере он принимает «идентичность» отца¹²⁵. Отношения мачех, наоборот, более успешно складываются со старшими детьми, с ними они обычно способны установить не столько собственно материнский, сколько дружеский контакт¹²⁶.

Одна из проблем состоит в том, что сводный родитель осознавая тот факт, что он может быть слишком строг и несправедлив (что в значительной мере конструируется общественным мнением), компенсирует боязнь этого «излишним терпением», он также старается дистанцироваться от принятия важных решений. Другие авторы отмечают более высокий уровень физического и психологического насилия в сводных семьях, в частности, сексуального насилия со стороны отчимов¹²⁷. Несколько случаев сексуальных домогательств со стороны отчимов были зафиксированы мною при интервьюировании беременных девушек в 2002 г. «Когда мама уходила на работу, он будил меня, и гладил, ну знаете,

---

¹²⁵ Marsiglio W. (1995). Stepfathers with minor children at home: parenting perceptions and relationships quality. In W. Marsiglio (Ed.), *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy*. Thousand Oaks, CA: Sage.

¹²⁶ Coleman, M. & Ganong L.H. (1991). Remarriage and stepfamily research in the 1980-s // *Contemporary Families: Looking Forward, Looking Back*. Minneapolis, MN: NCFR.

¹²⁷ Kalmuss, D. & Seltzer, J. A. (1989). Framework for studying family socialization over the life cycle. The case of family violence. *Journal of Family Issues*, 3, P.339.

так, не по-отцовски... Я старалась больше у бабушки бывать. А маме нет, не говорила. Я не хотела ее расстраивать. Теперь они уже расстались, он не живет с нами» (девушка 17 лет).

Ученые за рубежом указывают и на сильные стороны сводных семей: дети имеют больше образцов поведения и моделей для идентификации, дополнительных родственников, более высокий материальный уровень и счастливых родителей¹²⁸. Для некоторых взрослых, не имеющих своих детей, это одна из возможностей реализовать себя в роли родителя, а прежде незамужние матери получают дополнительную родительскую поддержку.

Необходимо отметить, что изучение на протяжении ряда лет литературы, касающейся материнских и сводных семей, позволяет отметить все более нейтральное восприятие исследователями этих, в свое время описывавшихся исключительно как проблемные, структурных типов. Возрастающее разнообразие форм организации семейной жизни существенно меняет не только общественные нормы, но и позиции самих ученых.

3. Проблемы социализации подростков в новых условиях

Одна из особенностей развития российского общества в 1990-е годы – переход от «узкого» типа культурной социализации (ориентация на стандарт, жесткий норматив) к «широкому», предполагающему плюрализм, вариативность норм и поведенческих практик. Автор теории культурной социализации Дж. Арнетт утверждает, что разные общества могут отличаться «вариативностью – унификацией» на всех уровнях социализации детей и взрослых (семья, сверстники/коллеги, ближайшее социальное окружение,

---

¹²⁸ Strong, Br., DeValt, Ch. & Sayad, B., 1998, P. 553.

школа/работа, СМИ, законодательство, идеология/религия)¹²⁹. Отечественные социологи также отмечают переход к "индивидуализации жизненных стилей", в том числе в России¹³⁰. Фактически речь идет о последствиях того, что прежде называли «возрастанием личностного фактора».

В 1990-годы родители подростков являлись носителями ценностей прежней социальной системы, что создавало и продолжает создавать проблемы в подготовке детей к жизни в новом обществе. Причем для одних плюсы прежней системы состоят в превалировании коллективистских ценностей, а нарождающийся индивидуализм и рыночные отношения воспринимаются как угроза духовности. Для других происходящие изменения создали возможность самовыражения, проявления инициативы, независимости и надежду на построение, пусть в далеком будущем, демократического общества. В эпоху научно-технической революции разрыв ценностей между поколениями углубляется даже в относительно стабильных обществах. М. Мид выделила «префигуративную» культуру, в которой подрастающее поколение не может быть подготовлено для будущего старшими, чьего опыта явно недостаточно, более того, родители нередко учатся у своих детей¹³¹. В периоды резких социальных трансформаций расхождение в представлениях о жизни детей и родителей, вероятно, увеличивается. Дети могут выступать воспитателями своих родителей, чему можно найти эмпирические подтверждения. Вот типичные ответы матерей, завершавших незаконченное предложение «Мой сын (дочь) учит меня...»: «учит, как жить, современной жизни, новому, приспособливаться» (29%), «владеть собой, терпимости, проще смотреть на жизнь, видеть, что я делаю не

---

¹²⁹ Arnett, J.J. (1995) Broad and narrow socialization: the family in the context of a cultural theory. *Journal of Marriage and the Family*, 57 (3).

¹³⁰ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социол. исслед. – 1996. – №3.

¹³¹ Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 322.

так» (15%), «доброте, справедливости, любви, проявлять интерес к жизни» (8%). Еще 21% дали разнообразные варианты: учит обращаться с техникой, моде, как вести себя с мужем, как зарабатывать деньги и др. Менее трети или не ответили вообще или считают, например, что «мал меня учить», «ничему не учит», «так не бывает»¹³². В таких случаях консерватизм и ригидность матерей лишь препятствуют взаимопониманию.

Как свидетельствуют интервью, в благополучных семьях расхождение ценностей рефлексивируется родителями, но не воспринимается как серьезный конфликт. Расхождения во вкусах и взглядах не выходят за рамки обычного – «отцы и дети» («матери и дети»). «Мне не нравится то, как он одевается. Тем более что у меня это ассоциируется со всей этой крутизной хамской, которую я терпеть не могу. Он, в принципе, может быть подвержен влиянию. Даже зная, что, допустим, это не хорошо делать, просто похамить, показать свою взрослость, которая еще не состоялась, под влиянием более, так сказать, умудренного этой жизнью приятеля, он может... Что будет завтра, я не могу сказать... Тем более что у меня перед глазами пример старшего сына. Будем считать, печальный для меня пример. Потому что то, что он изберет такую жизнь, я никогда не думала. Это был очень целеустремленный мальчик, очень способный. А получилось ни то, ни се» (мать двоих сыновей, преподаватель). «До сегодняшнего момента книги – это основной источник нашей жизни, опыта, знаний, а он не читает. Он вот с удовольствием прочел (у нас компьютер дома, он его освоил, он знает то, что даже мне не дано) под 1000 листов описание различных программ. Он это прочел, а прочесть художественную литературу – для него это проблема. И то, что нет любви к книгам, понимания какого-то, наверное, это мы не привили.

---

¹³² Гурко Т.А., 1997.

Хотя 2/3 всех вещей в квартире – это книги, мы уже не знаем порой, куда их девать. А чтобы вникнуть в суть этих вещей, накопленных человечеством, говоря громкими словами, это пока не получается. Вот здесь я считаю основная трагедия» (отец сына, архитектор). «В моей молодости была своя музыка, и ее тоже мои родители не одобряли. Просто у меня взгляды несколько устаревшие, я это сознаю. Но в процессе развития они тоже будут заниматься более серьезной музыкой, а не слушать все время этот хра-корн» (отец сына, инженер). «...Но меньше он интересуется тем, чем интересуюсь я. Я в его возрасте бегал по девочкам, на рыбалочки, на мотоциклах гонял. А он какой-то домосед, все время с компьютером» (отец сына, военный).

Дискурс морального вакуума как отсутствие конструируемых «свыше» ценностей выражается родителями разных социальных групп. «Современная подростковая среда ужасна, просто ужасна. Мне безумно жаль наших детей, приблизительно год назад мне мой ребенок сказал: «как же вы интересно жили, гораздо интересней, чем мы». Казалось бы, всё это кругом критикуется... Я не отношу себя к коммунистам, но считаю, что им не хватает организованности и коллективизма...Они, на мой взгляд, потеряли какие-то жизненные ценности. И причина в том, что наше общество так перестроилось, и реформы прошли не так, как хотелось бы, и опоры потеряны. Сейчас мы, в общем-то, не нужны никому» (мать сына, администратор). «Кругом беспредел, никто ни во что не верит, люди из-за денег с ума походили. Во что верить-то...Нет, в церковь не хожу» (отец дочери, рабочий).

Часто происходит конфликт между тем, чему детей хотят научить родители, и тем, что исходит из других источников информации, например, СМИ. В интервью с родителями разных социальных групп звучит неодобрение пропаганды секса, насилия, скрытой рекламы наркотиков. «Я ему каждый день внушаю, ну, не сиди у телевизора, почитай что-то

лучше. Был момент, когда я готова была его выбросить, этот ящик. Но муж придет с работы, ему тоже хочется отдохнуть. И вот они уже на пару сидят» (мать сына, парикмахер). Образованные, а также имеющие высокий достаток родители переключают внимание сыновей и дочерей на занятия на компьютере. Причем, компьютер дома дети имеют вне зависимости от пола (некоторые исследователи утверждают, что его чаще имеют мальчики).

Образованные родители, идентифицирующие себя с интеллигенцией, остро воспринимают снижение уровня преподавания в школе. *«Сейчас ребенок может неделю в школе не появляться, никто не поинтересуется: где он? что он? Причем это не в одной школе. У меня мальчик сейчас уже в шестой школе, он прошел две частных школы, колледж, то есть я все искала, где бы ребенок мог бы получить хорошее образование. Из последней школы он не хотел уходить, потому что надоела, конечно, беготня... Но я это делала не в виде принуждения, а мы это обсуждали: «ну ты же видишь, что учебы-то нет, учебы-то нет!» Высшее образование тоже поменялось, оно как-то было престижнее, чем сейчас... А сейчас получил высшее образование и что дальше?»* (мать сына, научный сотрудник). *«Им в школе сейчас не прививают, что надо задумываться о будущем, профессии и поэтому обучение, честно говоря, идет через пень-колоду. Я считаю, что нам давали больше в школе, несмотря на то, что у них сейчас такая программа сложная, но у нас было больше ответственности, и спрашивали с нас больше. Сейчас все по-другому»* (мать дочери, бухгалтер).

Социальная дифференциация общества отражается, прежде всего, на детях из малообеспеченных семей, Уже сегодня, поступив в платный экстернат, можно получить вполне приличный аттестат. Но настоящий «конкурс родителей» начнется, судя по всему, с введением единого экзамена. Сложившаяся в школе атмосфера не стимулирует даже получение неполного среднего образования

малообеспеченными детьми. Если западные общества двигались в направлении равенства возможностей, российская школа в 1990-е годы превратилась в кузницу по маркировке детей в зависимости от социального статуса родителей. «Учительница ей сказала: «В таких сапогах больше в школу не приходи», – а потом швырнула их ей в лицо... Ну, она больше и не пошла, стыдно» (мать дочери, уборщица). «Самое первое – учиться не хочет, говорит, надоела мне эта школа, эти учителя, учителя несправедливые, обзываются тупыми, дураками, обвиняют в чем-то. А если дети денег не дают на охрану, еще на что-нибудь, начинают: «Ага, на это ты деньги нашла, а на охрану – не хочешь. Я понимаю, учителя тоже устают... Я ей говорю: «Куда ты после 9-го класса? Не в кулинарное же училище идти» (мать дочери, повар). «Учиться не хочет, ничего не хочет. Не верит просто... Ученые сейчас дома все сидят, кто институты закончил, дворниками работают, говорит: «Зачем мне учиться, меня ты, как Светку ее папа, в Институт потом не засунешь»... Ну заставляю, а толку от этого? Иди уроки делай... она говорит: «Я отучилась уже» (мать дочери, продавец).

Будущее поступление в вуз беспокоит многих родителей девятиклассников, особенно матерей мальчиков. «Ну, Вы же знаете, везде нужны деньги, причем репетиторы гарантируют поступление, только пока им платишь. А потом неизвестно, кому чего давать. Но в армию не пойдём...» (мать сына, стоматолог). «Сейчас очень тяжело убедить их в необходимости поступать в вуз, т.к. они видят примеры, какова зарплата инженеров и что очень мало людей делают то, к чему у них душа лежит и в основном заняты добыванием пропитания. Да и денег у нас таких нет, чтобы в вуз поступать» (отец мальчиков-близнецов, инженер).

Ценность образования, в частности высшего, важна для родителей всех опрошенных социальных групп. Однако высокий образовательный уровень самих родителей, как в полных, так и в материнских семьях, связан с ориентацией

подростков на продолжение обучения в вузе¹³³. Для высокообразованных родителей образование важно само по себе, как потребность передать свой социальный капитал. Они меньше жалуются на сопротивление детей, нежели представители других социальных групп. Понятно, что их вклад, в виде непосредственной помощи или образца для подражания стимулирует образовательные устремления детей. Родители с невысоким социальным статусом вроде бы и ценят высшее образование, но даже для себя не способны конкретизировать его смысл, тем более для детей. Для родителей, имеющих высокие доходы, высшее образование имеет более конкретный и прагматический смысл, т.е. это образование для конкретного дела, оно позволяет зарабатывать деньги.

В представлениях родителей высшее образование равноценно для мальчиков и для девочек. Разница состоит лишь в том, что будущая профессия девочек артикулируется реже, нежели профессия мальчиков. Часто отцы, вовлеченные в частный бизнес, ориентированы на участие сыновей в их деле после получения высшего образования. Но и для дочерей сегодня вполне приемлемо продолжение «дела отца». Анализ интервью позволяет выдвинуть гипотезу, которая нуждается в проверке на репрезентативной выборке, что при выборе подростками будущей профессии они ориентируются на родителя, занимающего более высокую социальную позицию. При этом пол подростка и родителя не имеет значения. Мальчики, например, хотят быть врачами, как мама, а девочки – архитекторами как папа. Материальный и образовательный капитал семьи, в том числе и материнской, а не пол ребенка, является определяющим в формировании сценария будущей профессиональной деятельности.

На Западе, начиная с 1920-х годов, исследовалась зависимость родительских ценностей от социального

---

¹³³ Гурко Т.А., 1996. – С. 89.

статуса¹³⁴. Позднее М. Кон показал, что социально-экономический статус семьи (которая в то время измерялась по статусу отца) в большей мере связан с родительскими ценностями, нежели раса, этническая принадлежность, религия и возраст. Чем выше статус родителей, тем с большей вероятностью они поощряют в своих детях ценности саморазвития в противоположность конформизму, и таким образом происходит воспроизводство среднего класса¹³⁵. В 1980-х годах этот вывод был подтвержден в исследованиях, проведенных в Польше, Японии, и Италии.

В исследовании I (1995 г.) методика М. Кона применялась для изучения ценностей матерей подростков¹³⁶. Было установлено, что треть из них, независимо от пола ребенка, возрастной группы, уровня обеспеченности, хочет воспитать в своих детях «честность, правдивость», 20% – "целеустремленность, усердие в достижении успехов", 14% – "здравый смысл, обдуманное суждение". Матери, не имеющие высшего образования, чаще, чем высокообразованные, предпочитали в числе приоритетных конформистские качества, а не качества саморазвития (self-direction).

Переход к «широкому» типу социализации, как отмечает Дж. Арнетт, неизбежно связан с расширением возможностей для обоих полов. В культурах с «широким типом» на всех уровнях социализации принадлежность к полу жестко не связывается с какими-либо сферами социальной деятельности и даже психологическими особенностями. Должна ли быть специфика в социализации мальчиков и девочек? В этой связи

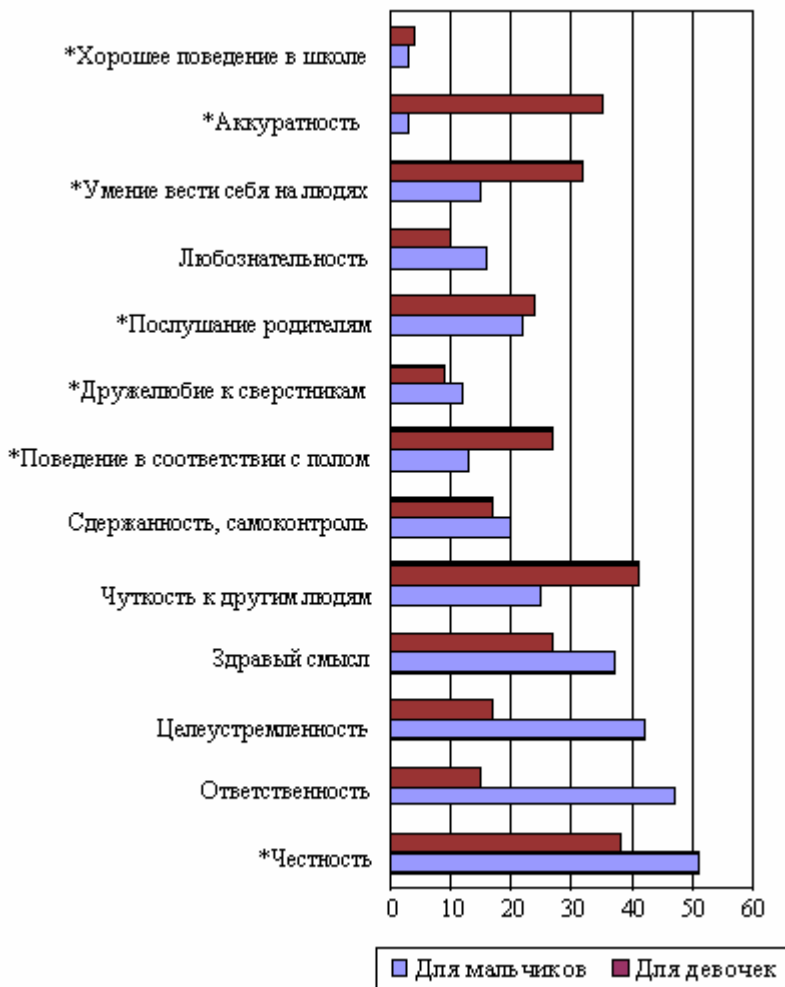
¹³⁴ Lynd, R.S. & Lynd, H.M. (1929). *Middletown*. New York: Harcourt Brace.

¹³⁵ Kohn, M.L. (1969). *Class and conformity: A study in values*. Homewood, IL: Dorsey Press.

¹³⁶ Гурко Т.А., 1997.

Диаграмма 3.

Распределение ответов на вопрос: "Какие качества Вы считаете самыми важными в воспитании мальчика (девочки)?" в %, №=1103 (*- конформистские качества)

исследовании III (1999 г.) респондентам задавался вопрос: «Какие качества Вы считаете самыми важными в воспитании мальчика-подростка» и такой же вопрос в отношении девочек-подростков. Из предложенного списка можно было выбрать три самых важных, по мнению, респондентов качества. Результаты представлены на диаграмме 3.

Можно видеть, что девочкам чаще предписываются конформистские качества, а мальчикам – качества саморазвития личности. Единственное качество саморазвития (согласно концепции автора методики), чаще предписываемое девочкам, – «чуткость, внимательность к другим людям». Различия в ответах на вопрос по возрасту, образованию и полу невелики, с той лишь разницей, что женщины чаще мужчин отмечали «чуткость, внимательность» важными как для мальчиков, так и для девочек. В целом же на конформистские качества чаще ориентированы жители Тулы в сравнении с Санкт-Петербургом.

На вопрос интервью «А какими Вы хотели бы вырастить своих детей?» представители старого сектора экономики, жители глубинки, отвечают, что честными и порядочными, хотя часто рефлексируют, что в сложившихся социальных условиях эти качества могут быть непригодны. Наблюдается некоторое несоответствие между теми качествами, которые родители хотят воспитать в детях для себя и для общества, которое воспринимается как враждебное. *«Прежде всего, честными, это главный критерий... Я, может быть, не раскрыл понятие честность. Мне бы хотелось, чтобы они не имели ничего общего с так называемыми «новыми русскими» с их психологией, и не важно, чем они будут заниматься в своей жизни, важно, чтобы они занимались этим с удовольствием»* (отец двоих сыновей, конструктор). *«Хочется, чтобы он вырос хорошим мальчиком. Честным, добрым. Нас родители приучили к труду, и я хочу, чтобы он честно трудился. Хотя сегодня, наверное, не это главное. Но если я его научу врать другим, он и мне будет врать...»* (мать мальчика, врач).

В столице среди высокообразованных слоев представления иные, родители чаще осознают значение «достижительности». *«Важно, чтобы сын получил хорошее образование, чтобы умел хорошо работать и зарабатывать. Ну и, конечно, чтобы был культурным человеком, языки иностранные знал»* (отец сына, сотрудник банка, в прошлом физик). Матери гораздо чаще отцов ориентируют девочек на социальные достижения. *«Хочу, чтобы дочь смогла раскрыть все свои таланты и реализовала себя, чтобы она хорошо зарабатывала, была материально независима. Да, и от будущего мужа... Она человек очень чуткий и добра к людям, и я надеюсь, это поможет ей стать счастливой»* (мать дочери, менеджер, в прошлом научная сотрудница). «Гендерный» сценарий среди большинства проинтервьюированных в глубинке и женщин и мужчин достаточно типичен. *«Как раньше воспитывали, девочки должны чем заниматься? – Женскими делами. С рождения в ней должны воспитывать хозяйку, мать, хранительницу очага. А сын должен... то есть мужика нужно воспитывать как мужика, который должен приносить деньги и посильную помощь оказывать жене»* (отец мальчика, зав. складом). *«Девочке абсолютно не нужно высшее образование. Нет, если бы она захотела, да. Я бы помогла, я бы всё сделала, но вот так заставлять. Это очень трудно. Муж ее должен обеспечить. А когда у жены образование, это мужа принижает. Мужики другой раз, может, и не говорят, но понимают, что если жена выше, они тогда никто»*. Такие представления живучи не только далеко от Москвы, а присутствуют в умах и столичных, казалось бы, «продвинутых» родителей. Вот строки из опубликованного интервью известной актрисы, ведущей телепередачи «Я – мама». *«Мне абсолютно все равно, кем будет дочь... минимум, который нужен женщине, я ей дам. Научу её готовить, стирать, убирать... И пускай себе на тройки учится – выйдет замуж, будет детей рожать, и для кого-то такая жена*

будет «шоколадом»... Но для сына получить хорошее образование – принципиально. Поэтому, когда он ленится, я с ним разговариваю»¹³⁷. Насколько распространены такие представления среди молодого поколения родителей, неизвестно. Но установки на то, что девушка должна быть «для кого-то», вероятно, и приводят к тому, что, как показало специальное исследование, их образовательный потенциал реализуется в меньшей мере, чем у мужчин¹³⁸. Вероятно, процесс становления новой культуры взаимоотношений между полами в России еще только начинается. И эта культура во многом будет зависеть от степени общей модернизации страны.

---

¹³⁷ Кенгуру класс для мам. 2003. №5, – С. 1.

¹³⁸ Баскакова М.Е. Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. – М.: «Гелиос АРВ», 2002. – С. 244.